Роман Кармен

Чили — время борьбы, время тревог

Роман Кармен

Чили — время борьбы, время тревог

Литературный сценарий
документального телефильма

792.8
К24

Кармен Роман.

К24 Чили — время борьбы, время тревог. Лит. сценарий документального телефильма. Вступит. статья К. Славина. М., «Искусство», 1975.

142. с. с ил. (Б-ка кинодраматургии).

Сценарий телевизионного документального фильма «Чили — время борьбы, время тревог» создан на материалах, которые группа народного артиста СССР лауреата Ленинской премии Романа Кармена снимала в течение полугода в Чили и других странах Латинской Америки, и рассказывает о героях Народного единства, о президенте Сальвадоре Альенде, о вожаке чилийских коммунистов Луисе Корвалане и народном певце Викторе Хара.

К $\frac{80106\text{-}107}{025(01)\text{-}75}$ 91-96-75 **792.8+778И**

© Издательство «Искусство», 1975 г.

Конст. Славин

Чилийская глава

Утро разрывается нетерпеливым звонком. Кажется, только что он отзвучал в ночи — поздними извиняющимися голосами — и опять!.. Но после шести утра требующий к себе непрерывного внимания телефон не смолкает. И тональность уже другая, извинения откладываются на полуночные часы — почти все, кто ищет разговора, знает: Кармен встает рано.

На проводе «Мосфильм» и Гавана, Союз кинематографистов и Нью-Йорк, «Комсомолка» и «Журналист», телетайпная ТАСС и Сантьяго, Госкино и Гостелерадио СССР...

Лето 1973 года. Перед глазами — первая авторская наметка «Латинской Америки», вернее, обоснование новой серии телефильмов: «Осуществляя съемки в странах Латиноамериканского континента, моя киногруппа сняла более сорока тысяч метров цветной пленки с прямым расчетом на то, что помимо полнометражного мы впоследствии сделаем серию телевизионных лент...», приглашение на кинофестиваль в Женеву с картиной «Пылающий континент», приглашение с циклом лекций в США в Музей современного искусства, в американские университеты, приглашение на выездной пленум Всесоюзной комиссии по документальному кино... На столе — Хосе Марти, Панчо Вилья, Диего Ривера, Че Гевара, Альенде, Корвалан, Неруда, Виктор Хара... В путевых дневниках, фотографиях, рисунках, книгах, газетах, взятых буквально «на ночь», на несколько часов у знакомых журналистов, у дипломатов, наконец, у сына Александра, который в редакции «Известий» специализируется по южноамериканской проблематике... Старший сын, Роман Кармен-младший, оператор Центрального телевидения, должен улететь на Кубу, и вот сейчас набрасываются строки сердечного послания Фиделю Кастро...

А телефон звонит...

Первое интервью дается несколько осевшим, хрипловатым голосом: «...этот фильм будет — должен быть! — продолжением того, что мы снимали на баррикадах Мадрида, в боях за Москву и Сталинград, в битве за Берлин, в джунглях Вьетнама, на Кубе, в Панаме и там же в Чили!.. В Чили!.. Понимаете, в Чили!..»

В Чили — тяжело, неимоверно, немыслимо трудно. В начале мая Кармен вернулся из этой страны, он знает о политической обстановке в Сантьяго лучше, чем кто-либо другой. Приближение грозных событий ощущается во всей атмосфере, окружающей дворец президента Альенде. Невозможно забыть эту встречу, этого благородного, красивого, обаятельного человека. Альенде только что просмотрел «Пылающий континент» и вновь мыслью обратился к судьбам родной страны, жизни и труду своего неустрашимого, доброго и честного народа. Ему невольно подумалось и о том, как этот посланец далекой страны узнал, увидел, полюбил то, чему он, политик, публицист, государственный деятель, отдал лучшие годы жизни, и вот теперь вступает в решительный, главный, кажется, кульминационный момент своей воистину неустанной, бессонной борьбы и работы.

В семьдесят втором Альенде посетил Советский Союз, и там к нему обращались как к другу, соратнику — со словами «товарищ»...

«Товарищ президент»,— он любит, когда так его называют,— вспоминает белые грузинские вина, которыми его потчевали в нашей стране, и произносит монолог в честь красных чилийских вин: «О, вы должны обязательно взять с собой несколько бутылок,— кто хоть раз изведал вкус чилийского вина, никогда не забудет нас и нашей страны...» Легкая, непринужденная беседа течет почти без вмешательства переводчика — Кармен восстановил в памяти весь «мадридский запас» испанских слов, тем более, что за плечами уже и «Пылающий континент», где испанский — основной язык и Чили, и Перу, и Уругвая, и Панамы, и Венесуэлы...

Начиная съемки на незнакомом, романтичном, разноликом континенте, Кармен дал себе слово не соблазняться красотами природы, экзотическими особенностями быта, «каким бы заманчивым это ни представлялось нашему взору». Записал в собственный план и внушил операторам, но от красот, от невиданных своей живописностью красок и оттенков, от колоритнейших пейзажей — и горных, и морских, и земных — уйти не удалось. И вот перед ним его первый зритель — сам Альенде, человек, который лучше, чем кто-либо, знает Латинскую Америку,— о нем говорят сейчас и в Северном и в Южном полушарии, одни с надеждой и волнением, другие — с ненавистью и страхом... Что скажет Сальвадор Альенде о «Пылающем континенте», о Чили, занимающем самое большое место в фильме... Что скажет Кармену человек, унаследовавший революционный дух и сердце борца у таких славных латиноамериканцев, как Вилья и Сапата, как Марти, как Гевара...

Кармен включает магнитофон (в который раз!),— «слушай, как он говорит, слушай его голос...». И потом, стараясь убрать «выражение», намек на патетику, тихо зачитывает перевод:

— Мне доставило большое удовольствие просмотреть ваш фильм. Еще раз я убедился в ваших больших творческих возможностях. Картина ярко передает атмосферу Латиноамериканского субконтинента. Фильм прекрасен в своей выразительности и значителен по своему содержанию — в нем правдиво показаны тяжелые, а порой трагические условия существования большинства населения Латинской Америки. Есть незабываемые сцены большого социального звучания, передающие высокий революционный накал... Вместе с тем фильм содержит эпизод молчаливого протеста на фоне невообразимой красоты природы. Например, эпизод с «питкенейросами». Эти рабочие, которых вы сняли за столом, затем в работе под землей, потом идущими с тяжелой ношей руды!.. Каждый их шаг отдается эхом глубокого протеста в душе зрителя. Усталость этих людей обобщается, она

красноречиво свидетельствует об изнеможении всего трудового народа, живущего в условиях эксплуатации и нищеты. Поэтому как чилиец и как товарищ президент я хочу сказать вам, что вы и ваши товарищи добились исключительного успеха, сняв эту картину. Такого успеха может добиться лишь человек, в котором большой художественный талант счастливо сочетается с высокими идеологическими убеждениями. Вот почему я выражаю вам благодарность и большую признательность от имени всего чилийского народа, могу сказать, от имени всех латиноамериканских народов, и от своего имени — за ваш неоценимый вклад в нашу борьбу...

На память об этой нашей встрече и о фильме, который, я надеюсь, просмотрят тысячи людей в нашей стране, я хотел бы подарить вам мой портрет с надписью, в которой я в нескольких словах выражаю вам свои чувства признательности и уважения... У меня очень трудный почерк, позвольте, я прочту, что здесь вам написал.

«Другу Роману Кармену, кинематографисту, которого любят и уважают во всем мире, чье художественное творчество проявилось во всех частях света, где народы сражаются за свободу. С сердечными чувствами и уважением от товарища президента Чили — Сальвадора Альенде...».

...Но тысячам чилийцев не суждено было просмотреть «Пылающий континент». Хунта Пиночета, свершив кровавый предательский заговор, убила Альенде, зверски замучила и уничтожила тысячи и тысячи его сторонников — славных чилийских патриотов. Хунта, наверно, сожгла и ту единственную копию фильма, которую Роман Кармен привез в дар Сальвадору Альенде,— она находилась в президентском дворце. Не исключено, что Пиночет и его подручные посмотрели картину, прежде чем предать ее огню, и, если они сделали это, ну что же,— она погибла как боец, как воин. Как сам товарищ президент!..

И все-таки многие чилийцы — коммунисты, социалисты, рабочие, крестьяне, журналисты, студенты — и такие поли-

тические деятели, как В. Тейтельбойм и Л. Альтамирано, увидели фильм «Чили — время борьбы, время тревог». Есть люди — и их уже десятки тысяч! — посмотревшие его на Кубе и в других странах Латиноамериканского субконтинента. Телевидение донесло до миллионов людей трагедию Чили... А главное, есть надежда, есть непоколебимая уверенность, что народ Чили еще посмотрит и «Пылающий континент» и узнает себя, свою долю, судьбу, борьбу в новом фильме Кармена — вот почему не уставая трезвонил телефон, летели письма, телеграммы, шли неустанные поиски кадра, слова, эпизода. Тогда фильм носил рабочее название — «К событиям в Чили». Как в годы испанской войны, горячие карменовские выпуски — «К событиям в Испании».

Вторая половина сентября 1973 года.

На проводе города, страны, друзья...

Молчит только Сантьяго.

С ним прервалась связь. И в творческой группе Кармена, лишь только на экране возникали лица рабочих и крестьян, студентов и писателей, снятых им в Чили для «Пылающего континента», каждый задавал себе тревожный вопрос — что с ними сейчас? Где они? Живы ли?..

Впервые я работаю с Карменом, что называется, плечом к плечу, рядом — и за письменным, и за монтажным столом, и в павильоне звукозаписи, где он сам наговаривает текст; и в ателье, где сводятся на одну пленку музыка, шумы и голос рассказчика,— идет перезапись. Зрительный ряд уже не висит в воздухе — молчаливый, не совсем понятный,— он буквально на глазах обретает смысл и объем, волнует, заставляет думать о многом. В том числе и о документальном кино. И о силе телевизионного зрелища. И о том, кто и как делает эту картину.

Я знаю Кармена давно, так или иначе сталкивался с его работами послевоенных лет. Он слал мне письма с каспийских нефтяных камней, где жил, трудился, боролся со сти-

хией точно так же, как и те, кого он снимал,— рабочие, моряки, инженеры. Он писал мне и из Вьетнама, и с острова Куба — «первой свободной территории Америки». Он показывал мне черновой монтаж «Великой Отечественной» и советовался по структуре «Пылающего континента». И конечно, не только со мной, но и с другими товарищами, коллегами, с Романом Григорьевым, с Генрихом Боровиком, с Константином Симоновым...

Теперь я работаю редактором у Кармена, на его чилийском фильме. А редактор в документальном кино — это человек, причастный и к сценарию, и к монтажу, и к тонировке фильма. Бывает даже, что редактор участвует в съемках, особенно в синхронных, так сказать, живых «человеческих» эпизодах.

Я как-то никогда не думал, не задумывался о романтических наклонностях почерка Кармена-публициста, режиссера, кинотрибуна. Но прежде всего — оператора. Бесстрашного, боевого, неудержимого оператора кинохроники. Вездесущего кинорепортера, имя которого в тридцатых годах звучало у нас, как, скажем, имена Чкалова, Папанина, Кольцова... Я знаю, что в кинематографической судьбе многих известных теперь кинодокументалистов значительную роль сыграло желание быть похожим на Кармена, повторить его увлекательный путь и поиск. Кармен, если хотите,— стиль, манера, метод. А что в его стиле характерного — лучше Сальвадора Альенде, пожалуй, трудно сказать: высокие идеологические убеждения, сочетаемые с художественным талантом, особенно ярко проявившем себя там, «где народы сражаются за свободу».

Вот мы сидим в монтажной и на маленьком проекционном экранчике просматриваем какой-то фрагмент ленты, снятой в 1938 году в Китае, в частях народно-освободительной армии, сражавшейся против японских захватчиков. И удивительное дело! Как выразительно, с каким суровым чувством боли, сострадания рассказывает советский кинохроникер о людях, разметенных безжалостным шквалом войны. Ребе-

нок, мать, старик, солдат — лица разных людей, увиденные взором неравнодушной кинокамеры, вызывают ощущение сопричастности, сопереживания и теперь — тридцать с лишним лет спустя!

Это качество репортажной съемки нынче связывают с понятием «эффект присутствия», о нем такой оператор, как Роман Кармен, или такой режиссер, как Михаил Слуцкий, в тридцатые годы не имели ровным счетом никакого представления. Но он тем не менее зримо заявлял о себе волнующей достоверностью, подлинностью, скажем, пуска Косогорской домны, вернее, одной ночи перед пуском. Тогда никто из строителей не спал, и тогда Кармен открыл для себя, что человек, охваченный тревогой, поглощенный своим делом, увлеченный, устремленный к чему-то,— настоящая находка для хроникальной съемки, для показа свершений героического времени.

Человек на срезе большого социально значимого события! Не просто случая, происшествия, почему-то отождествляемого с событием, а события в полном смысле слова знаменательного для судеб мира и людей, для истории, для страны, для искусства и публицистики. Вот одна из разгадок карменовской съемки!

Сегодня событие часто путают с повседневной информацией. Для Кармена, для всей его журналистской судьбы событие — синоним борьбы — это бой, битва с врагом, захватчиком, фашизмом, империализмом. Снимать надо рядом с солдатом, в отрядах Сопротивления, на остром политическом митинге, среди забастовщиков, в колоннах протеста. И труд, поле человеческой деятельности, созидание для Кармена — это тоже бой — изнурительная борьба с арктическими льдами, жаром знойных пустынь, вихрем нефтяного пожара, грозным штормовым морем... Его мир, говоря словами поэта,— это «мир, открытый настежь бешенству ветров». В трудных обстоятельствах человек просматривается особенно четко, рельефно, объемно, и суть съемки состоит в накоплении драматических кадров,

обретаемых с максимальной степенью риска, усилием личного мужества. Как долго и много раз подряд он смотрел, пересматривал, останавливал чилийские кадры одного шведского кинорепортера — безумного смельчака, в момент съемки в упор застреленного мятежными солдатами хунты!.. «Он снял собственную гибель, смерть,— повторял Кармен.— Ценою жизни он показал, что такое насилие, как выглядит обыкновенный фашист...».

Еще до военного путча в Чили он искал кадры, необходимые для картины, рассчитывая получить их из первых рук, в контакте с прогрессивными кинодокументалистами, работавшими у себя дома при содействии правительства Народного единства. Мне кажется, что Кармена, незадолго до этого перенесшего тяжелую болезнь, не покидала мысль о том, что сам он с кем-нибудь из наших операторов перепрыгнет через океан, надеясь «кое-что подснять», увидеть своими глазами и занести на пленку. А это «кое-что» представляло собой, судя по его записи, «очень четкий и обстоятельный обзор политической ситуации сегодняшнего Чили. В эти дни реакция усилила свои атаки на правительство Альенде, мы знаем о провокационных забастовках, о наглых вылазках, о попытках развязать гражданскую войну, о выстрелах из-за угла. Знаем мы и о том, как народ, трудовой народ, дает отпор заговорщикам, организует широкий фронт борьбы против поднимающего голову фашизма».

В этой заготовке — весь Кармен. Правда, поехать не удалось, не пришлось, но задача осталась — искать, поднимать материал живой и бескомпромиссной обличительной силы. Характерная подробность: возвращаясь из Сантьяго после короткого визита к Альенде с «Пылающим континентом», он на несколько дней остановился в Нью- Йорке и как-то, взяв камеру, снял довольно внушительный на вид, но не очень бросающийся в глаза серый небоскреб со скромной и лаконичной вывеской на фасаде: «ИТТ» — «Интернейшен телефон энд телеграф компани» — аббревиатура весьма могу-

щественной финансовой империи, владеющей всеми телеграфными и телефонными связями в Латинской Америке. Ах, если бы ее влияние распространялось только на телеграф и телефон! «ИТТ» — и об этом свидетельствуют сами американцы — щедро субсидировала различные реакционные организации и режимы в странах субконтинента. Не обошла своим «вниманием» и Чили, направляя действия фашистской «Патриа и Либертад». На деньги «телеграфистов» «Родина и Свобода» «освобождала» от жизни и свободы истинных патриотов, не гнушаясь ничем, как это видно из фильма «Чили — время борьбы, время тревог», для того чтобы методически, на всех уровнях, подрывать авторитет и мероприятия правительства Народного единства.

Приехав в Сантьяго вроде бы не для съемок («я и камеру не буду брать!..»), Кармен снял штаб-квартиру «Патриа и Либертад», «монтируя» ее в голове с нью-йоркским небоскребом «ИТТ»...

Но дома домами,— их можно обыгрывать как угодно. Талантливый человек заставит заговорить и камни, однако же без людей ему нечего делать в документальном кино, если только речь идет не об архитектуре.

Почерк Кармена, его характер, темперамент, круг его интересов легко узнаются в фильмах («Пылающий остров», «Вьетнам», «Пылающий континент»), наполненных пафосом борьбы, преодоления препятствий, резко контрастными сопоставлениями. Почти в каждой работе он выказывает себя в превосходных, необыкновенно характерных, полных глубокой внутренней силы портретных характеристиках, как правило, простых людей — рабочих, крестьян, революционеров. Он все время помнит о той реальной атмосфере жизни, в которую свободно вписывается человек,— и жизненная окраска визуальной и звуковой среды всегда у него сливается в одно целое.

А пришло это к нему еще в конце 20-х годов, когда он увидел фильм Владимира Ерофеева «К счастливой гавани». Это был беспощадный документ жестокости, уродства,

духовной нищеты большого капиталистического города. Как никогда раньше, вчерашний известинский фотокор Кармен ощутил возможности политически осмысленной репортажной съемки. Считая себя учеником Ерофеева, он до сих пор с восторгом вспоминает блестящую хроникерскую работу оператора «Счастливой гавани» Юрия Стилианудиса. Увлекало Кармена и то, что В. Ерофеев в нарождавшемся звуковом кино настойчиво искал союзника-кинодокументалиста и с одержимостью экспериментатора пробивал тропу к синхронной съемке. Кармен вспоминал потом, как поехал с Ерофеевым в первую «звуковую киноэкспедицию». Снималась картина «Далеко в Азии», и Кармен участвовал в ней в роли второго оператора. Каждая удачная документальная звукозапись ему казалась волшебством, техническим всемогуществом. «Уроки этого первого кинопутешествия оказались полезными, запомнились на всю жизнь. Ерофеевское увлечение звуком в кино впоследствии в моей работе сыграло огромную роль».

С тех пор различные звукозаписывающие устройства — одни для съемочных целей, другие для записи собственных и чужих высказываний — сопровождают Кармена во всех его экспедициях и киноработах. Помимо синхронных записей киноинтервью, бесед, митингов и манифестаций он, и в частности в своей чилийской ленте, упорно ищет реальную звуковую атмосферу, сочетание шумовых, музыкальных, голосовых звучаний, передающих и характер события, и общественный темперамент, и национальный колорит. Казенные бесстрастные речи парламентариев, душераздирающий вой полицейских машин, детские голоса и восторженный крик толпы, гитарный перезвон и отдаленная, словно уходящая за горизонт песня, щемящая мелодия на кадрах поселка обездоленных тружеников — все это не просто фонограммы, подобранные умелым звукооформителем, а извлеченные из самой жизни, поставленные в контекст с изображением достоверные записи действенного и эмоционального назначения. А подчинены они все

той же главной цели: найти, открыть человека в его повседневных трудовых буднях с их невзгодами, заботами, борьбой, испытаниями.

На звуке часто проходит крупный портретный план, которому Кармен — режиссер и оператор — отдает предпочтение, выводя его на экран не отдельной вставкой, полученной (какой профессионал этого не знает и не делает!) способом изолированной досъемки, а как бы выхваченным из толпы, из массы в процессе действия, в ходе самой ситуации, чаще всего напряженной, острой и далеко не всегда благоприятной для съемки. Снимая «Пылающий континент», он ставит себе задачу в бурном темпе событий, в шумном потоке улиц увидеть разнообразие лиц, образов, типов... Эти кадры потом, после трагических событий сентября 1973 года, по-новому прозвучат в картине о Чили. Задорный массовый энтузиазм оборачивается волнующей драмой людей, упоенных первыми успехами и просмотревшими большую беду.

...Вот рудокопы из «Пылающего континента»,— они добывают металл из глубоких земляных нор, как столетия назад!.. Люди, ведущие бесконечный тяжкий бой за существование, с усталыми, натруженными руками, с воспаленными глазами,— это они произвели такое сильное впечатление на Альенде... А гимн, звучащий на лице ребенка,— гимн свободной и гордой страны — в канун мятежа «горилл»,— как много в лаконичных кадрах на Огненной Земле сказано Карменом, ведь это и размышление о судьбе народа, о его тяжелой и горькой доле.

Он импровизирует комментарий, записывает его на диктофон, проверяет в своем воображении покадровый строй монтажной фразы, рассчитанной под этот текст,— не только в словах, но и в интонации рассказчика. Здесь много неожиданных стыков, внезапных поворотов и резких отступлений. Кармен просматривает последние номера чилийских газет и журналов, американские и южноамериканские издания, вытаскивает какие-то фото, заголовки, цифры... Все это вскоре, буквально на другой день, превратится в авторский

рассказ, переписанный с магнитофона и ждущий очередной правки; все свободные места в монтажной, в комнате для группы будут завалены кипами фоторепродукций и газетных вырезок, и они как-то незаметно, естественно войдут в звукозрительный строй фильма, встанут рядом с кадрами крестьян с морщинистыми бронзовыми лицами, с толпами студентов, сминающими полицейские кордоны, с бородатыми юношами в пончо и с гитарами, с политическими ораторами, бросающими в толпу страстные слова призывов. Фашистский оскал хунты и гордые лица рабочих, поверженные стены Ла Монеда и снесенный авиабомбами поселок имени Че, трущобы, жалкие вафеллы, невероятные районы бедствия — все, с чем хотел покончить Альенде и ради чего он отдал жизнь, должно одушевить ленту глубокой заинтересованностью, личным переживанием.

В конечном счете публицистика Кармена, его стиль и пафос — это итог жизненного опыта, каждый раз новое обобщение своих свидетельств, впечатлений, прожитых дней и пройденных дорог. Не потому ли его всегда злободневные, горячие по материалу картины в то же время апеллируют к прошлому, в чем-то мемуарны, звучат подчеркнуто «от себя». И Кармен этого не скрывает, а даже обыгрывает, сообщая тем самым выстраданным документам особую искренность и достоверность. «...И я, шагая с моими товарищами с камерой по улицам Сантьяго и Лимы, невольно сопоставляю увиденное сегодня с событиями, свидетелем и участником которых я был на протяжении последних десятилетий в тех или иных «горячих точках» нашей планеты...». «Автору хочется дать почувствовать зрителям, что перед ними разворачивается материал, снятый камерой, которая уже побывала за последние десятилетия на фронтах Испании, в гуще сражений второй мировой войны, на Кубе, во Вьетнаме...»

В «Пылающем континенте» поражает один эпизод, снятый в Чили, в Чукикамата на медных рудниках с человеком, который рассказывает Кармену о сложных путях национали-

зации медеплавильных заводов, о том, какое отчаянное сопротивление оказывают народу их бывшие хозяева. И вдруг вопрос: «Вы меня не узнаете?..» Кармен долго всматривается в лицо своего немолодого уже собеседника, тщетно пытаясь вспомнить, где и когда он мог его встретить. Ну да, они познакомились лет десять назад на Кубе, в провинции Пинар дель Рио, тоже на медных рудниках, там Кармен заснял этого седого инженера в красной каске вместе с Эрнесто Че Геварой...

Вернувшись в Москву, Кармен сразу же разыскал свои кадры Гевары и Хосе Сомбрано — старого чилийского коммуниста, участника войны в Испании.

Всегда сдержанный, собранный, ровный, он волновался — я просто физически ощущал его волнение,— когда приступал к главным эпизодам фильма, к драме его любимых героев — молодых коммунистов из бригады Рамоны Парры, к истории замечательного поэта и певца Виктора Хары, к судьбе Генерального секретаря Коммунистической партии Чили — Луиса Корвалана. Эпизоды эти красочно и динамично воспроизведены в сценарии, но все же они не могут передать до конца всей драматической окраски и слова, и кадра, и звука — всего того, что, выступая в сложном жизненном контрапункте, вырастает в образ, за которым встает суровая дорога борьбы, испытаний, жертв...

Так, снятый для фильма «Пылающий континент» небольшой и скромный праздник коммунистической газеты «Сиглo», на который пришел Луис Корвалан, в ленте о Чили живет уже новой, совершенно иной жизнью. Он напоминает о трудных годах борьбы Корвалана и его сподвижников, о подполье, о тюрьмах, о преследованиях, и в нашем сознании возникает картина тяжелых испытаний и борьбы чилийских коммунистов в условиях жесточайшего террора хунты.

А Виктор Хара, поющий веселую, жизнерадостную песенку,— он словно на наших глазах уходит на смерть со своей неразлучной песней и верной гитарой...

Сидят парень и девушка, бесконечно усталые, но счастли-

вые. Сидят, смеются, толкуют о чем-то своем. Вот наезд на лицо юноши, он закуривает сигарету, и опять они вдвоем в кадре — парень и девушка — молодые коммунисты из бригады Рамоны Парры. А Кармен рассказывает об их сверстниках, их сегодня расстреливают фашисты — ведь они «подставили революции свои юные плечи».

Война... Великая Отечественная война... «Она была самым тяжелым испытанием в моей жизни»,— писал Роман Кармен. Теперь он мне сказал, что с неслыханной болью переживает чилийскую трагедию. Хотя повидал немало смертей, невинных жертв, безвозвратных утрат...

Но точка отсчета — Испания.

Он начинает рассказ о событиях в Чили с прямой аналогии. «Чилийская хунта говорит, вещает миру, что в Чили все спокойно, царит порядок... Мучительно знакомые слова, которые прозвучали в эфире тридцать восемь лет тому назад: «Над всей Испанией безоблачное небо...»

О Кармене, рассказывающем фильм с чувством глубокого потрясения, немало писали и говорили. Это новое качество работы Кармена-документалиста вовсе не дань моде и однажды удавшемуся приему. В чилийской ленте это острая необходимость, на мой взгляд, гораздо больше обоснованная смыслом происходящего, чем голос Кармена в «Пылающем континенте», где, в конце концов, мог быть и диктор и артист, в манере Копеляна читающий авторский текст. Но в новой чилийской ленте без личного свидетельства Кармена обойтись нельзя. Это заметила и очень хорошо, убедительно показала Маргарита Алигер в своей статье о фильме «Чили — время борьбы, время тревог»:

«Человек рассказывает нам о бесконечно важном для него событии, о глубоком своем горе и возмущении — что может быть более потрясающим и волнующим, что может горячее волновать, глубже проникать в сердце? Человек говорит столь взволнованно и горячо, что порой не дает себе труда выбирать слова, но эти вроде бы первые попавшиеся, а на деле самые ему в этот миг необходимые слова доходят

до нас во всей своей непосредственности и безыскусственности».

Не все, к сожалению, далеко не все это может передать сценарная запись фильма. Хочу подчеркнуть известную «непереводимость» кинематографического произведения на язык слов. Сценарий документального фильма лучше всего «прочитывается» с экрана. На бумаге он многое утрачивает, сглаживает. Теряет и когда хорошо, профессионально записан или умело и добросовестно скопирован с уже готовой ленты. Такова — и я думаю, к счастью! — природа экрана, перевод которого на язык слов не в состоянии во всей полноте воссоздать видимое и слышимое зрелище, всю полноту его образных сочетаний, контрапунктов, красок, ритмов, переходов... Что касается непосредственных наблюдений, выхваченных из жизни и перенесенных на экран, то ни сценарист — до фильма, ни режиссер — после его завершения не в силах, по-моему, перенести на бумагу многоплановый кадр, передать каждый человеческий план, каждый взгляд, жест — с репликой, со своим звуковым наполнением, со всем тем, что составляет многообразие жизни.

И дело не только в умении сценариста «мыслить кадрами». Бывает, еще до экрана острое наблюдение, пристрелочная запись выявляют и суть явления и меру кинематографической выразительности материала, намечают контуры визуальных характеристик. Направление авторской мысли может найти желанный простор в интересах и ярких сопоставлениях, в аналогиях, ведущих к анализу и обобщению.

Размышляя о революционном процессе на Латиноамериканском континенте, Кармен намечает остроконфликтную, очень четкую в идейно-тематическом плане форму повествования. Ход его раздумья примерно такой: Куба и Чили в историческом и социальном отношении представляют собой ведущую ось для всего демократического и антиимпериалистического движения на континенте. Их пример в межамериканском плане показывает, какую роль должен играть пролетариат в каждой стране в союзе с классовыми и социаль-

ными силами, призванными войти во фронт освобождения... ...Недопустимость «новой Кубы» — этой цели подчинили все свои планы силы американского империализма, от бесславно почившего «Союза ради прогресса» вплоть до вскармливания режимов «горилл»... Тем не менее история сказала свое слово. «Новая Куба» появилась...

Это далеко не общее рассуждение. Роман Кармен — автор многих увлекательных публицистических книг — большой мастер политической журналистской кинозарисовки.

Вот пример. В авторской записи удивительно перспективно для съемки и монтажных сочетаний очерчена картина жизни, труда и борьбы рабочих селитренных рудников и заводов на севере Чили. Кармен фиксирует: здесь родилось рабочее движение, здесь родилась старейшая на континенте Коммунистическая партия. История Компартии, рабочее движение в этом районе вмещают жесточайшие классовые битвы, схватки с войсками, с полицией, с провокаторами... Непрерывные стачки, забастовки, голодная безработица, детская смертность, массовые расстрелы, варварские концентрационные лагеря. Как лучше это показать, выразить, высказать скупыми средствами документального жанра? Только через людей, через конкретные жизненные истории, на живых лицах.

И возникает такой набросок:

«Мы знакомимся с одним из тех, кто был зачинателем рабочего движения в стране, ветераном Чилийской компартии — Элоэ Рамиресом. Он еще ребенком трудился в селитренных шахтах и здесь вступил в Компартию...» Далее ставится задача показать 50-летие Коммунистической партии Чили на судьбе Рамиреса. Почти ровесник своей партии, он прошел трудный, долгий путь борьбы, лишений, тюрем. В «Пылающем континенте» Рамирес, окруженный товарищами, глядя в аппарат, рассказывает о себе, о том, как родилось революционное движение в Чили, как рабочие селитренных рудников боролись с иностранными хозяевами, с безжалостной эксплуатацией их труда.

Если бы на этом примере эпизод завершался, — ну что ж, мы имели бы еще одно синхронно снятое интервью, каких немало в телевизионных и кинематографических фильмах последних лет. Но как раз рассказом Рамиреса эпизод не кончается.

Перед взором Кармена встают два поколения чилийских коммунистов: одно олицетворяет Рамирес, другое — молодой инженер Диас, партийный стаж которого насчитывает всего лишь шесть месяцев.

«Мы видим его в руднике в красной каске. Он руководитель комитета по национализации медного рудника. Он окончил Университет имени П. Лумумбы в Москве, и мы предоставляем ему слово... Он говорит на трогательно ломаном русском языке. Рассказывает о своей работе, о дружеских связях, которые он завязал в университете с молодыми студентами разных стран... Говорит о своем отце — старом коммунисте. Когда он родился, отец сидел в концлагере и, рассказывает он, «мать дала мне имя — Ленин». «Меня зовут Ленин. Ленин Диас», — с гордостью произносит он...».

Далее следует красноречивый штрих, словно подводящий итог этому прекрасному эпизоду:

«Машина проезжает под аркой, на которой — крупно — лозунг: «Селитра наша, чилийская!..»

Кармен утверждает, что для него документальный сценарий — зацепка, завязка фильма. Да, жизнь вносит постоянные коррективы в авторский замысел, неожиданно вторгаясь в планы съемочной группы, иногда путая карты, но ставя новые вопросы, на которые нужно ответить, если автор намерен говорить языком жизни. Именно такой в чем-то парадоксальный путь обретения жизненного материала устраивает Кармена как раз своей неподготовленностью, незавершенностью, склонностью к неожиданным коллизиям, поворотам, он отлично чувствует себя в сложной событийной обстановке, в материале, требующем максимальной и человеческой и профессиональной предприимчивости, мобильности, риска. Не потому ли он стал свидетелем и

участником многих больших событий нашего века?.. Не потому ли он с полным правом заявляет, что биография оператора кинохроники неотделима от свершений и дел, свидетелем которых ему посчастливилось стать...

Маргарита Алигер вспоминает кинорепортажи из воюющей Испании, которые с риском для жизни снимал юный кинооператор Роман Кармен, «а мы с трепетом и нетерпением бегали их смотреть еженедельно в маленький кинотеатр «Хроника»...».

Так что если бы кто-то решился вывести формулу карменовского почерка и, соответственно, его успеха, он бы скорее всего выразил ее в трех словах: «Видеть. Чувствовать. Участвовать». Здесь, нисколько не насилуя факты, я позволю обратить внимание на тождественность этой формулы с чуть ли не главной, решающей особенностью телевизионного экрана — со всей его покоряющей подлинностью, импровизационностью, интимностью выражения,— не это ли талантливый исследователь телевизионной музы В. Саппак назвал «новым качеством достоверности»? Кармен, ведущий свои репортажи из гущи событий, словно бы прямо с поля боя, очень волновался при первом своем столкновении с телеэкраном. Я видел, как настойчиво он искал, пробовал какие-то «специфические» телевизионные приемы, — ну, к примеру, делал укрупнения, пытался монтировать «попроще, попонятнее». Но специально ему этого делать и не нужно было. Потому что «видеть, чувствовать, участвовать» — значит ловить действительность в свершении, а не в результате, в процессе жизни, в действии, — не в этом ли самый сильный, самый впечатляющий телевизионный «эффект присутствия»?!

Не потому ли, скажем, ему лучше удавались такие фильмы, как «Вьетнам», или «Пылающий остров», или «Повесть о нефтяниках Каспия», чем картины описательного толка — «Туркмения», «Грузия», «Утро Индии». Суть не только в обозренческой наклонности этих лент. Дело в том, что в них почти все было заранее известно, спланировано, подчинено

довольно жесткому сценарному регламенту. А регламент часто сковывает инициативу хроникера, толкает на схему, иллюстративность... Нужно ли утверждать, как все это противопоказано натуре Кармена!

Константин Симонов написал о нем так:

«Почерк кинооператора есть выражение человеческого характера. Военные хроники, снятые Карменом до Великой Отечественной войны, заставляли предполагать, что у человека, державшего в руках этот аппарат, мужественная душа, неугомонный характер и железная выдержка в работе. И первые же личные встречи на войне подтвердили все эти предположения».

С первых же дней Великой Отечественной фронтовой кинооператор Р. Кармен не только снимает войну, пишет о ней в советские и зарубежные газеты, но и каким-то чудом выкраивает минуты для своего походного дневника. Его записи необычайно концентрированно, лаконично и кинематографически зримо передают самое главное, самое сильное из того, с чем каждый день и час приходилось сталкиваться на фронте человеку с кинокамерой, и почти всегда эти записи определяли и состояние сегодняшних дел на войне и отношение к ним самого автора.

На девятнадцатый день войны он записывает: «Комсомолец младший сержант Г. А. Бабинов подал заявление о приеме его в партию. Мне показали это заявление: «... даю клятву перед партией, что буду драться смело и храбро до последнего биения сердца. Иду в бой за дело партии». Он был убит в Борковичах».

Партия коммунистов, ее идеи, ее борьба, ее жертвы, ее победы — суть творчества кинопублициста Кармена. От первых хроникальных сюжетов до больших многосерийных лент.

...От Мадрида — к Великой Отечественной. От «Пылающего острова» — к «Пылающему континенту». От «Вьетна-

ма« — к Чили... К трагедии, кажется, мгновенно выплеснутой на экран, наверное, потому, что за ней стояли другие трагедии, драмы, подвиги... Но сроки — не самое главное, хотя хроника требует оперативности, любит быстроту, отдачу, пока еще кипят события, волнуется мир, бушует пламя... Все это нередко называют «моментом дня» или «пульсом эпохи» и призывают держать на нем руку,— ведь из таких «моментов» складывается история! И вот — фильм, снятый много десятилетий назад, начинает жить новой жизнью, соперничать с сегодняшней актуальной документалистикой. Ему часто противостоят в высшей степени современная манера, новейшие способы постижения жизни, «скрытая камера», многоплановый синхронный репортаж, сюжетность, психологизм... Значит, дело не только в изысканной, модной форме, сколько в смысле и значении происходящего. В старых, непритязательных на первый взгляд лентах захватывают непосредственность, глубокое душевное наполнение и непритворный пафос. Посмотрите «Турксиб», посмотрите «Могучий поток», посмотрите «Повесть о нефтяниках Каспия»...

Сразу же после завершения телефильма о Чили Кармен с пятнадцатью своими картинами отправляется в Соединенные Штаты и в разных аудиториях Нью-Йорка, Сан-Франциско, Вашингтона, Питсбурга, Беркли демонстрирует пылающие страны и континенты, Вьетнам и Кубу, Великую Отечественную и Чили, нефтяников и полярников, строителей и пилотов... Люди прогрессивных взглядов — студенты, рабочие, коммунисты, бывшие испанские интербригадовцы — горячо принимают его, заносят в книгу отзывов восторженные, идущие от сердца слова благодарности, признания, солидарности.

Журнал «Журналист» печатает на своих страницах дикторский текст Эрнеста Хемингуэя к фильму «Испанская земля», Роман Кармен предваряет эту публикацию своим почерком. Он пишет, что для него, для миллионов читателей Хемингуэй поднимается во весь рост как борец с фашиз-

мом. И приводит слова писателя о том, что фашизм — это ложь, изрекаемая бандитами: «...когда фашизм уйдет в прошлое, у него не будет истории, кроме кровавой истории убийств, которая и сейчас всем известна...»

«Как высоко и емко звучат эти слова в наши дни, — замечает Кармен, — как перекликаются они с предсмертными строками Пабло Неруды, умирающего в Сантьяго в часы бомбардировки дворца Ла Монеда!»

Через несколько дней после кровавого переворота в Чили он получает из Ленинграда следующую телеграмму:

«Товарищ Кармен, мы, студенты ЛЭТИ, возмущены злодеяниями чилийской реакции, хотим поехать добровольцами в Чили, просим Вас — участника боев в Испании — помочь нам в этом. Дорог каждый час!»

И вот ответ:

«Дорогие ребята. Я получил вашу телеграмму... Читал ее со слезами на глазах... В Чили льется кровь таких светлых юношей, девчонок, как вы, — снова фашистам удалось наступить на горло прекрасному народу и снова, конечно, с помощью из-за рубежа. Рано или поздно откроется лицо вдохновителей и организаторов кровавого мятежа. Мне теплее на сердце от сознания, что есть в нашей стране ребята, как вы, готовые броситься в бой, я тоже пошел бы с вами...»

Он давно перешагнул рубеж 60-летия, но снимает фильмы, ездит по свету со своей неизменной камерой, пишет статьи, книги, не давая ни дня покоя своему сердцу, своей памяти.

«...Помню: испанский крестьянин в окопе под Уэской, колхозница Анна Масонова, богатырь-шахтер Никита Изотов, китайский партизан, раненый, с искаженным от боли лицом, нефтяник Михаил Каверочкин, полярный летчик Илья Мазурук, Хемингуэй в блиндаже на Хараме, умирающий от голода на обледенелом Невском безымянный ленинградец, Че Гевара, смотрящий на меня усталым мечтательным взглядом... Сотни, тысячи лиц, глаз, человеческих судеб, с которыми сплелась моя судьба...».

Сейчас, после «чилийской главы», он, наверно, прибавил бы к этим именам Сальвадора Альенде, Луиса Корвалана, Виктора Хара, Ленина Диаса...

А следующая глава, логически продолжающая чилийскую, посвящается бесстрашным коммунистам Латинской Америки.

Я видел, как волновали его «камарадос» — товарищи. Да и как могло быть иначе,— это ведь им он — коммунист, публицист, воин — из года в год, из фильма в фильм отдает весь жар души, сердце, талант...

Роман Кармен

ЧИЛИ
время борьбы, время тревог

Глава первая
Власть народа

Графический контур южноамериканского континента. Из него вырастает фигура человека, лицо, глаза, руки, они тянутся к солнцу свободы — прекрасный образ неукротимого, неудержимого стремления народов Латинской Америки бороться за светлое будущее, за освобождение от иностранной зависимости, от пут векового гнета, неравенства, нищеты... Да, его уже ничто не в силах остановить, этого могучего гиганта с броского, выразительного плаката документального фильма «Пылающий континент»!

Плакат — на стене одной из рабочих комнат съемочной группы новой серии телевизионных публицистических лент о Латинской Америке.

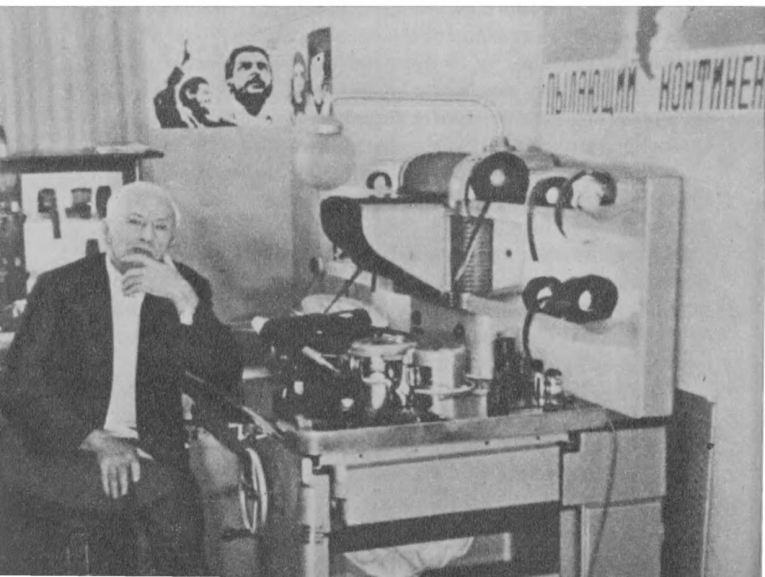
За монтажным столом — автор, режиссер и комментатор «Пылающего континента», он дает интервью у себя в монтажной в момент, когда пришлось приостановить работу с пленкой и немедленно предоставить слово кинокамере и микрофону. Тревожный и трудный момент...

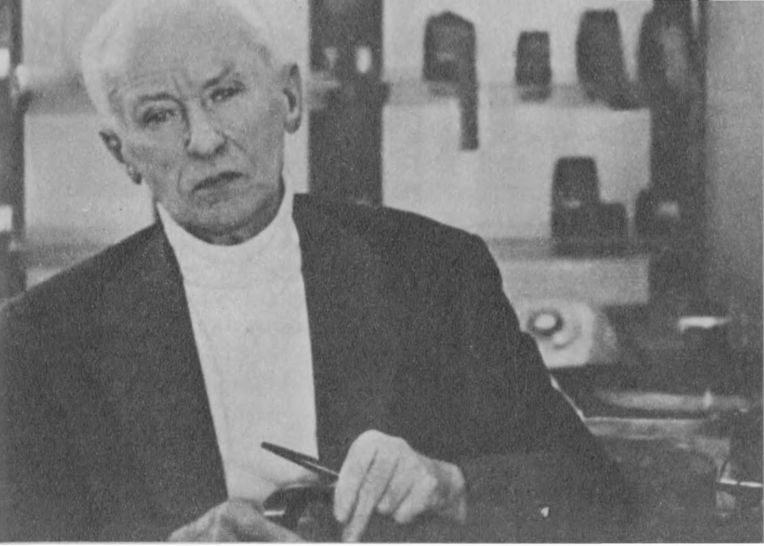
— ЗДЕСЬ, НА КИНОСТУДИИ, ЗА МОНТАЖНЫМ СТОЛОМ... ВОТ ЗДЕСЬ, ГДЕ МЫ РАБОТАЕМ НАД НОВОЙ СЕРИЕЙ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ФИЛЬМОВ О ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ, НАС ЗАСТАЛА ЭТА ВЕСТЬ...

Начинает рассказ автор фильма, и по всему видно, что говорить ему нелегко, как раз перед ним на столе материалы о враждебных происках реакции в Чили. Антиправительственные, антинародные действия правых экстремистов, угроза гражданской войны... отзвуки чилийской бури в документальных кино- и фотосвидетельствах доносятся в эту комнату с разных концов света, волнуют, настораживают. Но при всем драматическом накале страстей и событий — случившееся ошеломило.

— ...ЗДЕСЬ ЗАСТАЛА НАС ТЯЖЕЛАЯ, СТРАШНАЯ ВЕСТЬ О ВОЕННОМ МЯТЕЖЕ В ЧИЛИ... ОПЯТЬ ХУНТА, ОПЯТЬ ГЕНЕРАЛЫ, ОПЯТЬ КРОВЬ, ЛАГЕРЯ, РАСПРАВЫ, ПРЕСТУПНАЯ ДИКТАТУРА «ГОРИЛЛ».

Камера приближается к лицу говорящего. Тревожная атмосфера эпизода подчеркивается движением аппарата, самой манерой рассказа, — трудные, тяжелые слова, нотки





горечи, боли — отсюда и внезапные переброски в прошлое, фрагменты из актуальных хроник, неожиданные ассоциации.

— ...ФАШИСТСКАЯ ХУНТА ОБЪЯВИЛА, ВЕЩАЕТ МИРУ, ЧТО В ЧИЛИ «ВСЕ СПОКОЙНО», МОЛ, ЦАРИТ «ПОРЯДОК», СТРАНА ИЗБАВЛЕНА ОТ МАРКСИСТСКОЙ ОПАСНОСТИ, ОТ КРАСНЫХ...

...МУЧИТЕЛЬНО ЗНАКОМЫЕ СЛОВА!.. Я ПОМНЮ, ОНИ ПРОЗВУЧАЛИ В ЭФИРЕ ТРИДЦАТЬ СЕМЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД: «НАД ВСЕЙ ИСПАНИЕЙ БЕЗОБЛАЧНОЕ НЕБО!..» ВЫ ПОМНИТЕ?..ЭТО БЫЛО СИГНАЛОМ К МЯТЕЖУ, К К ФАШИСТСКОМУ ПЕРЕВОРОТУ, ЕГО ТОЖЕ ПОДНЯЛИ ВОЕННЫЕ, ГЕНЕРАЛЫ... ФРАНКИСТСКАЯ ХУНТА...

Монтажная комната. Коробка с пленкой. Плакат картины «Пылающий континент». Режиссер — за монтажным столом. Короткая пауза.

— ...ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ОЧЕНЬ НАПЫЩЕННО ГОВОРЯТ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА, О ДЕМОКРАТИИ, О СВОБОДЕ, ОБ ИДЕАЛАХ РАВЕНСТВА И «РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ», — ЭТИ ОЧЕНЬ ЩЕДРО БРОСАЮТ ЗОЛОТО НА ТО, ЧТОБЫ ВСКОРМИТЬ РЕАКЦИЮ ХУНТЫ И ПРИВЕСТИ ИХ К ВЛАСТИ... ЧТОБЫ ЛИЛАСЬ КРОВЬ ПОДЛИННЫХ ПАТРИОТОВ И ДЕМОКРАТОВ, НАСТОЯЩИХ БОРЦОВ ЗА ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО СВОЕЙ СТРАНЫ... ОНИ НЕ БРЕЗГУЮТ УСЛУГАМИ САМЫХ ЧЕРНЫХ ПРЕДАТЕЛЕЙ И МАХРОВЫХ ЭКСТРЕМИСТОВ, ПРОДАЖНЫХ ПОЛИТИКОВ И ДОМОРОЩЕННЫХ БОНАПАРТИКОВ...

Плакат «Пылающий континент».

На карте латиноамериканских государств — длинная зкая полоска территории Чилийской республики.

Крупно — во весь экран — лицо автора фильма.

— ОНИ УБИЛИ САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ... ОНИ УБИЛИ ЭТОГО ЧИСТОГО, СВЕТЛОГО ЧЕЛОВЕКА... ЧЕЛОВЕКА ВЫСОКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДУХА, РЕДКОГО МУЖЕСТВА, БЛАГОРОДСТВА...

— ПРИДЕРЖИВАЯСЬ ЛЕВЫХ ВЗГЛЯДОВ, ОН СЧИТАЛ, ЧТО ДЛЯ ЧИЛИ, ЗАВИСИМОЙ ЕЩЕ ВЧЕРА СТРАНЫ, ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД — НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ. ПОТОМУ ЧТО, ПРЕДСКАЗЫВАЛ АЛЬЕНДЕ, ДРУГИМ ВЫХОДОМ МОЖЕТ СТАТЬ ФАШИСТСКАЯ ДИКТАТУРА... СКОЛЬКО ТРАГИЗМА В ЭТОМ НЕВОЛЬНОМ ПРОРОЧЕСТВЕ!..

— ...ОН ХОТЕЛ ОСТАТЬСЯ В ИСТОРИИ НЕ ПРОСТО ОДНИМ ИЗ ПРЕЗИДЕНТОВ ЧИЛИ. ОН МЕЧТАЛ БЫТЬ НАРОДНЫМ ПРЕЗИДЕНТОМ, НАЗЫВАЛ СЕБЯ — «ТОВАРИЩ ПРЕЗИДЕНТ» И ЛЮБИЛ, КОГДА ЕГО ТАК НАЗЫВАЛИ... ОН БЕЗГРАНИЧНО ВЕРИЛ В СВОЙ НАРОД, ВЕРИЛ В РАБОЧИХ... «ОНИ ПО-НАСТОЯЩЕМУ С НАМИ, С НАМИ НАРОД, КОТОРЫМ ДОЛГИЕ ГОДЫ ПРАВИЛИ РЕАКЦИОННЫЕ РЕЖИМЫ», — ГОВОРИЛ АЛЬЕНДЕ...

— ... ОНИ — ЭТИ РЕЖИМЫ — ПРИГОВОРИЛИ ЕГО К СМЕРТИ ЕЩЕ ДО ТОГО, КАК ОН ВОШЕЛ В ПРЕЗИДЕНТ-

СКИЙ ДВОРЕЦ... ОНИ ОСУЩЕСТВИЛИ СВОЙ ДЬЯВОЛЬСКИЙ ПРИГОВОР... ВОТ СЕЙЧАС... НА ЭТИХ ДНЯХ... УБИЛИ...

Автор этих слов и Сальвадор Альенде дружески беседуют в президентском дворце Ла Монеда. Альенде спокоен, бодр и весел. Несмотря на свои шестьдесят четыре года, он выглядит как человек, полный жизненных сил, энергии, решимости, неиссякаемого оптимизма.

— ...Я ВСПОМИНАЮ СВОЮ ПОСЛЕДНЮЮ ВСТРЕЧУ С АЛЬЕНДЕ В ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДВОРЦЕ... ОНИ БЫЛИ СНЯТЫ ТОГДА ЧИЛИЙСКИМИ КИНОХРОНИКЕРАМИ, О СУДЬБЕ КОТОРЫХ ДО СИХ ПОР МНЕ НИЧЕГО НЕ ИЗВЕСТНО... ОНИ СНЯТЫ В ТОМ САМОМ ДВОРЦЕ, ЗА СТЕНАМИ КОТОРОГО БЫЛО НЕСПОКОЙНО. РЕАКЦИЯ — ВСЕ ЭТИ ПРАВЫЕ, ВСЕ ЭТИ ПОДСТРЕКАТЕЛИ МЯТЕЖА ИЗ КЛАНА «ХРИСТИАНСКИХ ДЕМОКРАТОВ», ВСЕ ЭТИ «ЛЕВАКИ» ИЗ ЭКСТРЕМИСТСКОГО «ЛЕВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ», ВСЕ ЭТИ ФАШИСТВУЮЩИЕ ДИВЕРСАНТЫ И ВЫСОКОПАРНЫЕ ГОВОРУНЫ ИЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ, — ВСЕ ОНИ ДЕЙСТВОВАЛИ ОТКРЫТО И НАГЛО, С НАРАСТАЮЩИМ ОЖЕСТОЧЕНИЕМ... И В ТЕ ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ С ПРЕЗИДЕНТОМ АЛЬЕНДЕ, ПОСЛЕ ТОГО КАК ОН ПРОСМОТРЕЛ НАШ ФИЛЬМ «ПЫЛАЮЩИЙ КОНТИНЕНТ», КОТОРЫЙ Я ПРИВЕЗ ЕМУ В ПОДАРОК ОТ ИМЕНИ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО СОЮЗА...

Альенде беседует с Карменом, подписывает ему свою фотографию.

На какое-то мгновение он задумывается, замолкает, продолжает разговор, поднимается,— нет, не растерянность, не поза, не желание выказать перед аппаратом величие или фатальную обреченность, а мягкое, естественное достоинство, непритворная убежденность сквозят во всем его облике и поведении.

— ...БЕСЕДА НАША БЫЛА НЕЛЕГКОЙ, НО ПО-ТОВАРИЩЕСКИ ТЕПЛОЙ И ЗАДУШЕВНОЙ. НЕ ЗНАЮ, МОЖЕТ БЫТЬ, МНЕ КАЖЕТСЯ ЭТО ТЕПЕРЬ, НО КАКОЙ-ТО ОТТЕНОК ГРУСТИ ПРОСКАЛЬЗЫВАЛ В СЛОВАХ ПРЕЗИДЕНТА, ОН РАЗГОВАРИВАЛ И СО МНОЙ И КАК БЫ — САМ С СОБОЙ, ХОТЯ БЫЛ ОЧЕНЬ ВНИМАТЕЛЕН, РАДУШЕН И, КАК ВСЕГДА, ОТКРОВЕНЕН. КАРТИНА НАТОЛКНУЛА ЕГО НА РАЗДУМЬЯ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ. ОН ОТДАВАЛ СЕБЕ ЯСНЫЙ ОТЧЕТ В ТОМ, КАК СЛОЖНО ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ, ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАРОДНОГО ЕДИНСТВА, КАК ОБОСТРИЛАСЬ ОБСТАНОВКА В СТРАНЕ.

Альенде со своей фотографией в руке...

Крупно — его фотографический портрет...

Альенде, ласкающий собаку...

Тепло беседуют чилийский президент и советский кинорежиссер, — ничего, казалось бы, еще не предвещает грозы.

— ...НО КАК РАЗ ТОГДА... ТОГДА САЛЬВАДОР АЛЬЕНДЕ СКАЗАЛ МНЕ, ЧТО ИЗ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДВОРЦА ОН ЖИВЫМ НЕ УЙДЕТ... ТАК ОНО И ВЫШЛО.

...И ВОТ ОНИ ЕГО УБИЛИ...

Столица Чили — Сантьяго. Мы словно совершаем путешествие в недавнее прошлое этого города в день, полный солнца и жизни. Сантьяго весь в движении, в ярком красочном убранстве... Нарядные улицы, витрины, рекламы. И лица прохожих, и их костюмы, и их позы, и мимолетные жанровые сценки, подсмотренные кинокамерой, говорят о привычной деловой атмосфере, о будничных заботах простых людей, взявших в свои руки судьбы родной страны.

Но последняя закадровая фраза — «И вот они его убили» — резким диссонансом врывается в мирный день Сантьяго, а рассказ автора пронизан нотками горечи и печали, — он хочет понять, объяснить — что же там произошло, как могло случиться, что сейчас этот город, эти люди — вся страна ввергнута в атмосферу террора и зверств, невиданных в истории Латинской Америки!..

— Я СЕЙЧАС СОВСЕМ ПО-НОВОМУ, ДРУГИМИ ГЛАЗАМИ СМОТРЮ НА КАДРЫ, СНЯТЫЕ НАМИ В САНТЬЯГО ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ИЛИ ШЕСТНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ТОМУ НАЗАД...

...УДИВИТЕЛЬНОЕ ЧУВСТВО — ВИДЕТЬ ЭТИХ ЛЮДЕЙ, ВЕДЬ МНОГИХ, НАВЕРНО, УЖЕ НЕТ В ЖИВЫХ...

Мужчины и женщины — одни в народных костюмах, их называют «пончо», — веселые, беззаботные люди из народа на улицах большого города.

Десятки, сотни гремящих, гудящих машин разных цветов и марок, — они вечно куда-то спешат, торопятся... Как и эти нетерпеливые и бесстрашные мотоциклисты, парни, девушки, дети на велосипедах...

— КАЖЕТСЯ, СОВСЕМ НЕДАВНО МЫ СНИМАЛИ НА ЭТИХ УЛИЦАХ, ГДЕ СЕЙЧАС ГРОХОЧУТ ТАНКИ ГЕНЕРАЛА ПИНОЧЕТА... ТАНКИ... НА УЛИЦАХ, КОТОРЫЕ ОБЕЗЛЮДИЛ КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС...

Простые жанровые сценки. Разнообразие лиц, жестов, щебечущие девчонки, задорные, очаровательные, чуть высокомерные...

Беседующие дамы.

Чистильщик обуви, поджидающий клиентов.

Газетчики на перекрестках.

Небольшой фруктовый базарчик с веселым толстым продавцом. Шум, суета, выкрики. Открытые лица. Добрые улыбки...

— КАК ПОВЕРИТЬ, ЧТО СЕЙЧАС ЗДЕСЬ, НА ЭТИХ УЛИЦАХ, УСТРАШАЮЩИЙ ШАГ ВОЕННОГО ПАТРУЛЯ И — ОХОТА!.. ОХОТА НА ЛЮДЕЙ!..

— КАКИЕ ИСПЫТАНИЯ ВЫПАЛИ НА ДОЛЮ ЧИЛИЙЦЕВ!..

А город кипит, бурлит... Но теперь это не просто репортаж, а страстный, темпераментный митинг. Молодые руки, сжатые в кулаки. Горящие глаза. Вдохновенные лица!..

— Я, НАВЕРНО, НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ ЭТИ ПРАЗДНИКИ РЕВОЛЮЦИИ, ЭТИ ЛИЦА, ЭТИ ГЛАЗА!.. САНТЬЯГО БЫЛ ПОХОЖ НА БУРЛЯЩИЙ ПОТОК, ЛЮДИ ПОНЯЛИ, ЧТО ИХ МАРШ ПОТРЯСАЕТ ОСНОВЫ ГНЕТА И НАСИЛИЯ, ЧТО В ИХ РУКАХ, В ИХ СЕРДЦАХ — БУДУЩЕЕ, ЧТО ЗА НИМИ ПРАВДА!.. КАК СВЕЖИ БЫЛИ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЧУВСТВА ЭТИХ ПАРНЕЙ И ДЕВЧАТ!.. СКОЛЬКО НАДЕЖД, КАКАЯ УВЕРЕННОСТЬ В СВОИХ СИЛАХ, В СВОИХ ПЛАНАХ! ОНИ ШЛИ, РАДУЯСЬ И ТОРЖЕСТВУЯ, — ОНИ СЛАВИЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО ЕДИНСТВА И ПРОКЛИНАЛИ ФАШИЗМ...

Знамена, портреты, плакаты.

Юноши, девушки — чилийские комсомольцы из бригады, названной в честь убитой фашистскими головорезами молодой коммунистки Рамоны Парры,— пишут на стенах огромными буквами лозунги, призывающие поддерживать правительство Народного единства, политику чилийских коммунистов.

Все это как один порыв, сливающийся в закадровом звуке в могучий голос народа, скандирующего революционные призывы. Но...

— НЕ СЛИШКОМ ЛИ ОНИ БЫЛИ БЕСПЕЧНЫ?!.. ДА, АЛЬЕНДЕ НЕ ОШИБАЛСЯ, КОГДА УТВЕРЖДАЛ, ЧТО НА СТОРОНЕ ЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НАРОД, ЧТО ЗА НИМ СТОЯТ МАССЫ. НО АРМИЯ, ЕГО АРМИЯ, — ВЕРНА ЛИ ОНА БЫЛА СВОЕМУ ДОЛГУ, СВОЕМУ НАРОДУ?!..

На улицах больших и малых городов, в поселках, деревнях — неудержимый праздничный разлив. Люди поют и танцуют, поднимают кружки с вином, доверчиво смеются, от души радуясь пусть первым, еще только отдельным росткам новой жизни, но разве за ними не встает весна обновления?..

BRP

Лица, лица — простых людей, тружеников, — им нужно еще очень многое, столько еще надо сделать, узнать, построить!.. И они готовы на труд, на бой, на жертвы, — ведь уже и сейчас стало легче дышать и, главное, видна дорога.

Таким настроением проникнуты кадры и эпизоды, запечатлевшие рабочих и крестьян Республики Чили в те дни, когда народ почувствовал себя хозяином своей страны.

Вспоминая то время, внимательно всматриваясь в лица людей, овеянных дыханием свободы, автор задает себе вопрос:

— БЫТЬ МОЖЕТ, ОНИ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЛИ СЕБЕ КОВАРСТВА, ЖЕСТОКОСТИ И, В КОНЦЕ КОНЦОВ, СИЛЫ ВРАГА?.. ВОТ ЭТИ ТРУЖЕНИКИ КОТОРЫХ МЫ СНЯЛИ В ДЕНЬ ПРАЗДНИКА НЕЗАВИСИМОСТИ, В ОКРЕСТНОСТЯХ САНТЬЯГО... СМОТРИТЕ, КАК ОНИ РАДУЮТСЯ, КАК ОТПЛЯСЫВАЮТ!.. ПОТОМУ ЧТО НА СЕРДЦЕ СТАЛО ЛЕГЧЕ, ПОЯВИЛАСЬ УВЕРЕННОСТЬ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ И НАДЕЖДА, ЧТО У ДЕТЕЙ БУДУТ БАШМАКИ, СТАРШИЙ ПОЙДЕТ УЧИТЬСЯ, СЕМЬЯ ПЕРЕЕДЕТ В НОВОЕ ЖИЛИЩЕ... ОНИ ЛИКОВАЛИ ПОТОМУ, ЧТО ПОВЕРИЛИ В ПРАВОТУ СВОЕГО ДЕЛА...

Люди труда, рабочие — Луис Корвалан назвал их хребтом и силой чилийского народа.

Рабочие медеплавильного завода в Чукикамата...

Нефтяники с Огненной Земли...

Они проходят на экране в одной портретной панораме, занятые делом, работой, и сразу видно, что они трудятся на себя и для себя, что это первые шаги освобожденного труда. И, может быть, первые его герои...

— ...Я ВИДЕЛ ГОРДОСТЬ НА ЛИЦАХ РАБОЧИХ ЧУКИКАМАТА... МЕДЬ, КОТОРУЮ ОНИ ПЛАВЯТ,— ТЕПЕРЬ ЭТО УЖЕ ИХ — ЧИЛИЙСКАЯ МЕДЬ. И НЕФТЬ, ЧТО ДОБЫВАЮТ НЕФТЯНИКИ ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ, ТЕПЕРЬ ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ...

...— И ВСЕ-ТАКИ УЖЕ ТОГДА...

...И снова Сантьяго. Но теперь в другом ключе и настроении. С иной эмоциональной окраской наблюдений и лиц. Угрюмые, полупустые перекрестки. Прохожие — настороженные, угрюмые, молчаливые... Стараются уйти в себя, спрятаться за газетой, о чем-то перешептываются.

Хмурятся, негодуют эти элегантно одетые, седовласые сеньоры, их возмущенные супруги с безукоризненными прическами, в меховых манто-макси. Особенно недовольны те, кто вынужден остановить лимузин, чтобы уступить на перекрестке дорогу колонне молодых. Этих, в американских «фордах» и «доджах», в Чили нарекли «мумиос», что значит — «мумии». Иначе говоря, реакционеры. Крупные буржуа, капиталисты, торгаши, спекулянты... Их страшит революционная атмосфера, которой дышит народ...

Что это — смутные тени вчерашнего дня или зловещие призраки затаенной угрозы?

— ...И ВСЕ-ТАКИ УЖЕ ТОГДА, В ТЕ БУРНЫЕ ДНИ, КОГДА ВОЛНА НАРОДНОГО ЭНТУЗИАЗМА ДОСТИГЛА, КАЖЕТСЯ, НАИВЫСШЕГО ПРЕДЕЛА, КОГДА СНИМАЛИСЬ ЭТИ КАДРЫ, СЕРДЦА ЛЮДЕЙ НЕ БЫЛИ СПОКОЙНЫ, ОНИ ПО-РАЗНОМУ СМОТРЕЛИ НА РАЗВОРОТ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «ЧИЛИЙСКОГО ВАРИАНТА» БЕСКРОВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ. НЕ ТРУДНО БЫЛО ЗАМЕТИТЬ, ЧТО ТЕ, КОГО ПОБЕДА НАРОДНОГО ЕДИНСТВА ОКРЫЛЯЛА НАДЕЖДАМИ НА ЛУЧШИЕ ВРЕМЕНА, БЫЛИ ВСТРЕВОЖЕНЫ ДЕЙСТВИЯМИ РЕАКЦИИ...

— А ТЕ, КОГО РЕВОЛЮЦИЯ УЩЕМИЛА, ЛИШИЛА БЫЛЫХ ПРИВИЛЕГИЙ, — ЭТИ — ВОТ ОНИ, ВИДИТЕ, — СМОТРЯТ ИСПОДЛОБЬЯ, ЛОВЯТ КАЖДУЮ ВЕСТЬ ИЗ-ЗА РУБЕЖА... ЧИЛИ ГРОЗЯТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЛОКАДОЙ, — ОНИ ЛИКУЮТ!.. ЦЕНЫ НА ЧИЛИЙСКУЮ МЕДЬ ПОНИЖАЮТСЯ, — ОНИ ДОВОЛЬНЫ!.. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЗАКРЫВАЮТ КРЕДИТ, — ОНИ ПОТИРАЮТ РУКИ!..

Деловой район Сантьяго. Банки. Страховые конторы. Солидные старые здания, железные решетки, — всем своим респектабельным видом они говорят, что здесь «никогда ничего не меняется». «Нейншнл Сити бэнк оф Америка», «Бэнк оф Латин Америка»...

Но лаконичные полотнища и надписи на каменных стенах говорят о другом:

«Этот банк национализирован».

«Этот банк собственность народа».

— ОНИ ГРОЗЯТ «СМУТЬЯНАМ» ВСЯКИМИ БЕДАМИ, КЛЕВЕЩУТ, ЗАПУГИВАЮТ!.. ЕЩЕ БЫ!.. ВЕДЬ ОНИ ТЕРЯЮТ ПОЧВУ ПОД НОГАМИ! ЕЩЕ ВЧЕРА ЭТОТ БАНК ПРИНАДЛЕЖАЛ ИНОСТРАННЫМ КАПИТАЛИСТАМ, А СЕЙЧАС — И ЭТО СЛУЧИЛОСЬ НА НАШИХ ГЛАЗАХ — ЕГО НАЦИОНАЛИЗИРОВАЛИ И ДАЛИ ИМЯ БЕРНАРДО О'ХИГГИНСА — ЛЕГЕНДАРНОГО ГЕРОЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ЧИЛИ ПРОТИВ ИСПАНСКОГО ГОСПОДСТВА.

ПРАВИТЕЛЬСТВО АЛЬЕНДЕ НАЦИОНАЛИЗИРОВАЛО НЕ ТОЛЬКО ИНОСТРАННЫЕ БАНКИ, НО И КРУПНЕЙШИЕ КОМПАНИИ, ПРИБИРАВШИЕ К СВОИМ РУКАМ ЧИЛИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ. СОБЫТИЯ НАРАСТАЛИ С НЕВИДАННОЙ БЫСТРОТОЙ. КЛАССОВАЯ БОРЬБА ОБОСТРЯЛАСЬ С КАЖДЫМ ЧАСОМ...

Плакаты политических партий и группировок на улицах чилийских городов. «Но пассаран!», «Венсеремос!» — «Мы победим!»

Митингующие студенты.

Рабочая манифестация.

Чилийский парламент...

Зал заседаний Национального конгресса. Прибежище правых сил и противников коалиции Народного единства. Здесь у правительства Альенде нет большинства. Ему чинит препятствия оппозиция, автономная судебная власть, органы административного и финансового контроля, действующие на основе старых, отживших свой век законов. Почти все ключевые посты в этих органах — под контролем противников Альенде, — вот они, лидеры оппозиции, на своих «традиционных» скамьях. По тому, как они держат себя, как высокомерно и вызывающе принимают законопроекты исполнительной власти, хорошо видно, как ненавистны им предлагаемые реформы. И они лезут из кожи вон, чтобы сорвать, парализовать деятельность правительства.

— ...А СЕГОДНЯ — ВОПРОС ВОПРОСОВ. В ПОВЕСТКЕ ДНЯ НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ МЕДИ — ГЛАВНОГО БОГАТСТВА ЧИЛИЙСКИХ НЕДР И ЕГО НАРОДА.

Конгресс притих. Затаил молчание — угрюмое, злое на скамьях оппозиции, взволнованно-тревожное — на местах сторонников Народного единства.

— ...ДА, БЫВАЮТ МИНУТЫ, КОГДА ВРАГИ РЕВОЛЮЦИИ НЕ РЕШАЮТСЯ ОТКРЫТО ПОЙТИ ПРОТИВ ВОЛИ НАРОДА... НИ СЛОВА НЕ ГОВОРЯ, ОНИ ПРИНИМАЮТ ЗАКОНЫ, КОТОРЫЕ ИМ ПОПЕРЕК ГОРЛА. И ИМЕННО ТАКИМ СТАЛ ЗАКОН О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ МЕДИ...

На трибуне руководитель Социалистической партии Чили сенатор Карлос Альтамирано.

Выступает сенатор Луис Корвалан — Генеральный секретарь ЦК Компартии Чили. Говорит горячо, страстно, уверенно. Лидер одной из крупнейших партий Народного единства, избранник трудящихся провинции Вальпарайсо, Корвалан хорошо знает тех, перед кем он сейчас произносит речь. Он, как никто другой, отдает себе отчет в том, что буржуазный парламент — барьер на пути социальных преобразований в его стране — еще находится в руках реакционного большинства. Но он не может упустить любую возможность, чтобы не использовать трибуну Конгресса для защиты интересов трудящихся.

— ...ЧИЛИЙСКИЕ КОММУНИСТЫ ДАВНО ПРОГОЛОСОВАЛИ ЗА НАЦИОНАЛИЗАЦИЮ МЕДИ. ОНИ ГОЛОСОВАЛИ ЗА

ЭТО СВОИМИ ЖИЗНЯМИ, В КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ, ПОД ПУЛЯМИ ФАШИСТОВ, ПОД ПЫТКАМИ И ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ ТЕХ, КТО СЕЙЧАС МОЛЧИТ... НО ОНИ ЕЩЕ СКАЖУТ СВОЕ СЛОВО...

Город Ранкагуа — один из главных центров медной промышленности, бастион рабочего движения, бурлящий край чилийских пролетариев, твердых сторонников правительства Народного единства.

Сегодня на главную площадь Ранкагуа собрались тысячи и тысячи трудящихся. Пришли с детьми, с женами, целыми семьями... Пришли на празднование Дня Национального достоинства. Над головами у людей лозунги: «Отныне — медь наша!», «Отныне богатства Чили принадлежат народу!»

— ...ДНЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОИНСТВА НАЗВАЛ ЧИЛИЙСКИЙ НАРОД ДЕНЬ, КОГДА ПРАВИТЕЛЬСТВО

САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ ОБЪЯВИЛО О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВСЕХ ПРЕДПРИЯТИЙ МЕДНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИМ МОНОПОЛИЯМ.

— Я НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ ЭТОТ МИТИНГ РАБОЧИХ В ГОРОДЕ РАНКАГУА, В ГОРНЯЦКОМ РАЙОНЕ...

Женщины поднимают детей, приветствуя президента Альенде. Несмолкаемый, все нарастающий гул, рукоплескания, радостные выкрики, — нет, это не только южноамериканский темперамент, это проявление подлинных непосредственных чувств простых людей к человеку, принявшему на себя нелегкое бремя забот и ответственности за судьбы страны и народа.

— ...СЕЙЧАС Я ОСОБЕННО ОЩУТИЛ, КАКОЕ МНЕ ВЫПАЛО СЧАСТЬЕ — СНИМАТЬ ВСТРЕЧУ НАРОДА СО СВОИМ ПРЕЗИДЕНТОМ.

Но рот шум постепенно смолкает и Сальвадор Альенде произносит речь. Он начинает спокойно, уверенно, полный решительности, силы и бесконечного обаяния. Автор, комментирующий картину, переводит основные положения его речи, акцентируя наиболее важные моменты, стараясь не заглушить своим голосом речь Альенде, чтобы передать в зал музыку слов этого замечательного политического оратора, истинно народного трибуна.

— НАРОД ЧИЛИ! ЖИТЕЛИ РАНКАГУА!

СЕГОДНЯ ДЕНЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОИНСТВА, А ТАКЖЕ ДЕНЬ СОЛИДАРНОСТИ. СЕГОДНЯ ДЕНЬ ДОСТОИНСТВА ПОТОМУ, ЧТО ЧИЛИ ПОРЫВАЕТ С ПРОШЛЫМ, ПОДНИМАЕТСЯ С ВЕРОЙ В БУДУЩЕЕ И ВСТАЕТ НА ПУТЬ СВОЕЙ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ, ЧТО БУДЕТ ОЗНАЧАТЬ ПОЛНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ...

Говорит Альенде...

И кажется, что его слушает весь трудовой люд Чили, — так в разнохарактерных лицах, выхваченных из массы, рождается коллективный портрет народа.

— ...ПОЭТОМУ, ЧТОБЫ ОБРАТИТЬСЯ К РОДИНЕ В КАЧЕСТВЕ ЕЕ ПРЕЗИДЕНТА, НЕ СЛУЧАЙНО БЫЛ ВЫБРАН РАНКАГУА. ЭТО ПЛОЩАДЬ ГЕРОЕВ, ЗДЕСЬ МЫ ЧУВСТВУЕМ ДУХ ПРОШЛОГО, ДУХ СЛАВНЫХ БОРЦОВ, — ПОДВИГИ ВСЕХ НАШИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН — ТЕХ, КТО, НЕ ЩАДЯ СЕБЯ, ДРАЛСЯ И ОТДАЛ ЖИЗНЬ ЗА НАРОД. ЗА ТО, ЧТОБЫ ОН ОБРЕЛ СВОЕ ЛИЦО И ВСТАЛ НА НОВЫЙ ПУТЬ...

Говорит Альенде, он воспламеняется буквально на глазах. От его раскаленных и простых и торжественных слов, от всего его облика исходит какой-то удивительный магнетизм. И автор, замечая это, обрывает перевод речи, обращаясь к тем, кто видит сейчас Альенде в мгновения величайшего внутреннего подъема, в момент, окрашенный искрящимся

пафосом, видит человека несгибаемой стойкости, мысли и веры.

— СМОТРИТЕ!.. СМОТРИТЕ!.. СЕЙЧАС, КОГДА ЕГО УЖЕ НЕТ В ЖИВЫХ, КАК ВЕРИЛ ОН В БУДУЩЕЕ ЧИЛИ!.. КАК ХОТЕЛ ВИДЕТЬ СВОЮ РОДИНУ СВОБОДНОЙ, СЧАСТЛИВОЙ!..

...Бурлит людской водоворот на площади Героев в Ранкагуа.

Люди рукоплещут президенту, «товарищу президенту»!..

И в гром аплодисментов врывается грохот взрыва.

Так с помощью взрывов поднимаются пласты земли на медных рудниках Чукикаматы. Экскаваторщик вынимает породу. Рабочие, инженеры, руководители рудника, составляющие комитет по национализации, собираются на свое заседание.

— ДРУГИХ ТАКИХ БОГАТЫХ ЗАЛЕЖЕЙ МЕДИ НЕТ НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ. ЧИЛИЙСКИЙ НАРОД ВЗЯЛ ВСЕ БОГАТСТВА НЕДР В СВОИ РУКИ... И НЕПЛОХО СПРАВЛЯЕТСЯ С НИМИ... А ВЕДЬ, УХОДЯ, БЫВШИЕ ХОЗЯЕВА УТВЕРЖДАЛИ, ЧТО БЕЗ НИХ ВСЕ РАЗВАЛИТСЯ, ПОЙДЕТ ПРАХОМ...

— ...КАК ВИДИТЕ, — ЧИЛИЙЦЫ СПРАВИЛИСЬ, ДАЖЕ СТАЛИ ДОБЫВАТЬ МЕДИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРИ АМЕРИКАНЦАХ.

Заседает комитет по национализации рудника.

Говорит инженер Собрано.

Говорит инженер Диас.

Их разговор не переводится, — важно указать, что в комитете по национализации представители почти всех партий, входящих в коалицию Национального единства.

— ...ОДИН ИЗ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ — РАДИКАЛ, ДРУГОЙ — СОЦИАЛИСТ, ТРЕТИЙ — КОММУНИСТ.

Слитки темно-желтой, красно-золотой и коричневой меди.

Вот огнедышащий слиток — на конвейере.

Отблеск красноватого металла на лице рабочего.

Он ставит клеймо на слиток, и медь идет на погрузку.

На какой-то миг движение замирает, — медный слиток заполняет весь экран.

Плакат:

«ОТНЫНЕ И НАВСЕГДА МЕДЬ ПРИНАДЛЕЖИТ ЧИЛИ!»

— КАК МНОГО ГОВОРЯТ В МИРЕ О ЧИЛИЙСКОЙ МЕДИ! В ЭТОМ КРАСНОМ МЕТАЛЛЕ — СУДЬБА НАРОДА, ЕГО ЖИЗНЬ, БЛАГОПОЛУЧИЕ И — ТРАГЕДИЯ!..

И еще один «образец» красного металла. Начищенная до блеска табличка с вычурной гравировкой — «АНАКОНДА».

— ДА, НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАГЕДИЯ. И ИМЕННО ПОТОМУ, ЧТО КАМПАНИЯ «АНАКОНДА», НА ПРОТЯЖЕНИИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ВЛАДЕВШАЯ ЧИЛИЙСКОЙ МЕДЬЮ, В ПЕРВЫЕ ЖЕ ПОСЛЕ ФАШИСТСКОГО ПЕРЕВОРОТА ДНИ ОБЪЯВИЛА О СВОЕЙ ГОТОВНОСТИ ВЕРНУТЬСЯ В ЧИЛИ...

Одна за другой возникают фотографии, опубликованные в «деловом» вестнике американцев и запечатлевшие некоронованных медных владык. Холодные, жесткие лица, — эти явно не упустят своего.

— КОРОЛИ МЕДНОЙ ИМПЕРИИ. ПРЕЗИДЕНТЫ МЕЖДУНАРОДЫХ ТРЕСТОВ. ЛОВКИЕ МЕНЕДЖЕРЫ... ЭТО ОНИ ХОТЯТ ВЕРНУТЬСЯ... ЭТО ОНИ ОТ ЛИЦА МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ МОНОПОЛИЙ НАКЛАДЫВАЛИ ЭМБАРГО НА ГРУЗЫ С ЧИЛИЙСКОЙ МЕДЬЮ, СТАРАЯСЬ ВЫЗВАТЬ КОММЕРЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ В СТРАНЕ, СОРВАТЬ ДОБЫЧУ РУДЫ.

— ЧТО МОЖНО СКАЗАТЬ, ГЛЯДЯ НА ИХ ЛИЦА? ВЕСЬМА ЗАУРЯДНАЯ ВНЕШНОСТЬ, НО ИМ, ВИДНО, НЕ ЗАНИМАТЬ ЖЕСТОКОСТИ И ВЕРОЛОМСТВА...

Под негромкие, вкрадчивые звуки слегка синкопированной мелодии по зеленеющей свежей травке медленно катится мячик. Гольф — игра джентльменов.

Человек на лужайке гольф-клуба несомненно из «высшего» общества. Его лицо явно из той портретной галереи медных воротил. Он и другие любители гольфа из этого клуба находили время не только для таких бездумных, приятно расслабляющих игр. Они играли в другую игру, подрывающую конституционные действия правительства, и не имели недостатка в партнерах извне.

Так через эту зеленую лужайку мы попадаем...

— ...В ЗНАМЕНИТЫЙ ПО ВСЕЙ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ ГОЛЬФ-КЛУБ «ЛЕОНЕС» — «ЛЬВЫ» — ПРИБЕЖИЩЕ МИЛЛИОНЕРОВ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ДРУГИХ ФИГУР КРУПНОГО БИЗНЕСА. БОЛЬШИНСТВО ИЗ НИХ НЕ УСТАЕТ ТВЕРДИТЬ, ЧТО СТРАНА ДВИЖЕТСЯ К ХАОСУ. РАЗУМЕЕТСЯ, ОНИ НАХОДЯТСЯ В РЕЗКОЙ ОППОЗИЦИИ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА

Гольф-клуб.

...Раскатывают мячики...
...беседуют за кофе...
...потягивают коктейли...
...— «львы»!..
...и «львицы»...
— НАМ УДАЛОСЬ ПРОНИКНУТЬ В ЭТОТ «ЗАПОВЕДНИК» ЧИЛИЙСКОЙ БУРЖУАЗИИ И РЕАКЦИИ... ЗДЕСЬ В ТИШИНЕ, НА ЗЕЛЕНЫХ ЛУЖАЙКАХ, В ПРОХЛАДНЫХ БАРАХ, В УЮТНЫХ КАФЕ — ВДАЛИ ОТ МАНИФЕСТАЦИЙ, ОТ РАБОЧИХ МИТИНГОВ, ОТ КИПЯЩЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОЛОДЕЖИ, ОТ ВСЕХ ЭТИХ «ГОЛОДРАНЦЕВ», «КРИКУНОВ» И ЛЕВЫХ — «ЛЬВЫ» ЧУВСТВОВАЛИ СЕБЯ В ПОЛНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ... ДОСТАТОЧНО СВОБОДНО...
— ЗДЕСЬ, В СВОЕМ КРУГУ, ОНИ МОГЛИ, НЕ ОГЛЯДЫВАЯСЬ, ВЕРШИТЬ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ, ГАДАТЬ, ЧТО ЖДЕТ ИХ ЗАВТРА, ПРИСМАТРИВАТЬСЯ К ВОЕННЫМ, К АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ «АРМАДЕ», КОТОРОЙ ВЛАСТИ СОХРАНИЛИ ВСЕ ИХ ТРАДИЦИОННЫЕ ПРИВИЛЕГИИ. ОНИ ГОТОВЫ БЫЛИ НА ВСЕ, ТОЛЬКО БЫ НЕ ДОПУСТИТЬ «ВТОРОЙ КУБЫ»!
— ОНИ НЕ ТОЛЬКО И НЕ СТОЛЬКО ЗЛОСЛОВИЛИ И ЛГАЛИ, СКОЛЬКО ОПЛАЧИВАЛИ, ВЫКАРМЛИВАЛИ ВОЛЧЬИ СТАИ ФАШИСТСКОГО ТОЛКА. «ЛЬВЫ» СТАВИЛИ НА ВОЛКА. ДАВАЛИ ЕМУ И ЖРАТВУ И РУЖЬЯ... И БОМБУ, И НОЖ, И ПРОВОКАЦИОННЫЙ ЛОЗУНГ...
Вот бесчинствующие молодчики на улицах Сантьяго.
Орут в мегафоны, разбрасывают листовки.
Эмблема их организации напоминает совсем другие времена.
— ...ЭТО И ЕСТЬ ГЛАШАТАИ ЧИЛИЙСКИХ «ЛЬВОВ». И ЭТО ИХ ПЕРВЫЕ ШАГИ, ТОЛЬКО ПЕРВЫЕ... В РАМКАХ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СВОБОД...
— ...А ПОТОМ ВЫШЛА НА СЦЕНУ ОТКРОВЕННО ФАШИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ — «ПАТРИА И ЛИБЕРТАД» — «РОДИНА И СВОБОДА»... НО И В УСЛОВИЯХ ПОЛНЕЙШЕЙ БЕЗНАКАЗАННОСТИ ИХ ЛИДЕРЫ НА

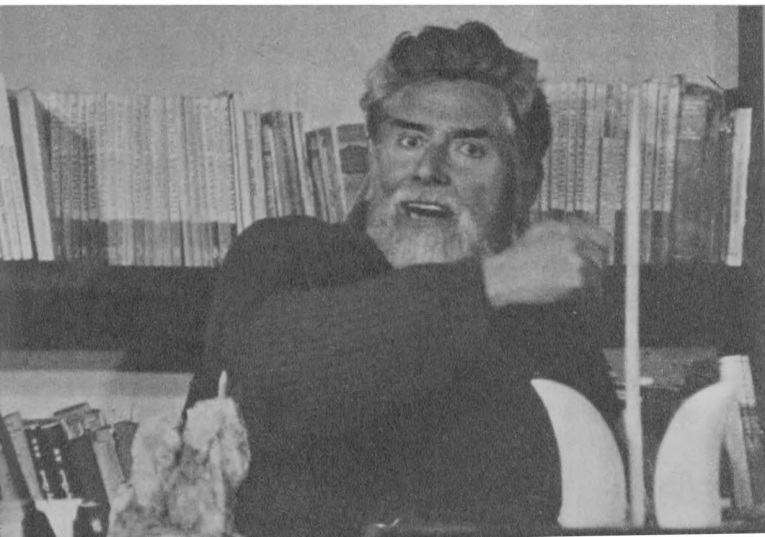
КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ ДОЛЖНЫ БЫЛИ СПРЯТАТЬСЯ ИЛИ ЭМИГРИРОВАТЬ. ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ДО ВОЕННОГО ПУТЧА ГЛАВАРЬ «ПАТРИА И ЛИБЕРТАД» ПАБЛО РОДРИГЕС ГРЕС ВСПЛЫВЕТ НА ПОВЕРХНОСТЬ, «ЧТОБЫ СВЕРГНУТЬ АЛЬЕНДЕ», И СКАЖЕТ СВОЮ ЗЛОВЕЩУЮ ФРАЗУ: «НАМ НЕ НУЖНЫ ЖЕСТОКИЕ, КОТОРЫЕ СТАНОВЯТСЯ МЯГКИМИ. НАМ НУЖНЫ УМЕРЕННЫЕ, КОТОРЫЕ СТАНОВЯТСЯ ЖЕСТКИМИ». ПО СЛОВАМ ПАРИЖСКОЙ «МОНД», ЭТА ФРАЗА ВПОЛНЕ ПОДХОДИЛА ВОЕННЫМ, ОРГАНИЗОВАВШИМ ПЕРЕВОРОТ 11 СЕНТЯБРЯ...

Дома, испачканные эмблемами «Патриа и Либертад». Паучья эмблема очень похожа на нацистскую свастику. Не случайное совпадение!..

Видный чилийский литератор и общественный деятель Франсиско Колоане дает интервью киногруппе фильма

«Пылающий континент». Теперь, в новом фильме о Чили, оно звучит особенно злободневно.

— ПИСАТЕЛЬ ФРАНСИСКО КОЛОАНЕ С БЕСПОКОЙСТВОМ ГОВОРИЛ МНЕ О ЗЛОВЕЩЕЙ УГРОЗЕ ФАШИЗМА У СЕБЯ В СТРАНЕ И ВО ВСЕЙ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ. «В ЧИЛИ ЕСТЬ УЖЕ ЗАРОДЫШ ФАШИЗМА, — ГОВОРИТ КОЛОАНЕ, — МОЕ ПОКОЛЕНИЕ ЗНАЕТ, ЧТО ТАКОЕ ФАШИЗМ. В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В НАШИ ВРЕМЕНА ЕСТЬ СВОЯ ФОРМА ФАШИСТСКОГО ВАРВАРСТВА — «ГОРИЛЛЫ». «ГОРИЛЛАМИ» НАЗЫВАЮТ ВОЕННЫХ, УСТРАИВАЮЩИХ ФАШИСТСКИЕ ПУТЧИ. ПОЭТОМУ БОРЬБА ПРОТИВ «ГОРИЛЛ», БОРЬБА ПРОТИВ ФАШИЗМА — ЭТО ДЕЛО ВСЕХ ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ МИРА, ЭТО БОРЬБА ВСЕГО ПЕРЕДОВОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА... Я ДУМАЮ,— ПРОДОЛЖАЕТ КОЛОАНЕ,— ЧТО СЕЙЧАС, КАК НИКОГДА, ЛЮДИ ДОЛЖНЫ ДУМАТЬ ОБ ЭТОМ. ДУМАТЬ НАД ТЕМ, ЧТО АНТИКОММУНИЗМ, АНТИСОВЕТИЗМ — ЭТО И ЕСТЬ ФАШИЗМ...».



В резком стыке — разбитое стекло автомашины.

Дверца, пробитая пулями.

Портрет генерала Шнейдера, сраженного предательской пулей.

Портрет на газетном листе...

Это кинохроника семидесятых годов. Ее кадры, снятые чилийскими кинорепортерами, воскрешают одну из самых драматических страниц борьбы прогрессивных сил страны с реакцией, встревоженной победой на выборах кандидата левых сил. Уже тогда в некоторых армейских кругах вынашивалась идея переворота, чтобы помешать Сальвадору Альенде занять пост президента. Но главнокомандующий сухопутными войсками генерал Шнейдер подтвердил приверженность армии конституционному правопорядку. «Мы являемся гарантами законного процесса, основанного на уважении конституции страны», — заявил он.

...И вот его хоронят... Он убит заговорщиками из клана высшего офицерства, — это они потом приведут к власти военную хунту.

...Приспущенные флаги.

...Похоронная процессия.

...За гробом идут близкие и друзья генерала Шнейдера.

...Среди них Сальвадор Альенде...

— СЕМИДЕСЯТЫЙ ГОД. АЛЬЕНДЕ УЖЕ ИЗБРАН, НО ЕЩЕ НЕ ВСТУПИЛ НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА СТРАНЫ. ГЕНЕРАЛ ШНЕЙДЕР БЫЛ УБИТ ЗА ДВА ДНЯ ДО ПРИВЕДЕНИЯ К ПРИСЯГЕ НОВОГО ПРЕЗИДЕНТА.

— ...НА ПОХОРОНАХ ШНЕЙДЕРА АЛЬЕНДЕ СКАЗАЛ: «ЭТА ПУЛЯ ПРЕДНАЗНАЧАЛАСЬ МНЕ...»

Генерал Шнейдер в гробу.

Глава вторая

«Товарищ президент»

Мгновение покоя и — в каком-то замедленном темпе возникают тихие, словно притаившиеся в ожидании аристократические кварталы Сантьяго. Это район Баррио Альто, — здесь живут люди с достатком, и немалым. Богатые особняки, роскошные виллы, дорогие машины, цветы и почти полное отсутствие какого-либо движения. Буржуа предпочитают спокойный, размеренный ритм, чистый воздух да чашечку душистого кофе в своем верном гольф-клубе.

Мы снова за столиками «Леонес», но, кажется, у «львов» нет уже прежней уверенности, за темными стеклами очков, за внешним безразличием проскальзывают растерянность и смятение.

— ДА, ЧИЛИЙСКУЮ БУРЖУАЗИЮ, ВЛАДЕЛЬЦЕВ БАНКОВ, ЗАВОДОВ, ШАХТ, КОНЕЧНО ЖЕ, НАСТОРАЖИВАЛА, ПУГАЛА ВОЗМОЖНОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ. ИХ ВПОЛНЕ УСТРАИВАЛ ХРИСТИАНСКИЙ ДЕМОКРАТ ЭДУАРДО ФРЕЙ — ЧЕЛОВЕК, ВСЕГДА ДЕЛАВШИЙ СТАВКУ НА ВОЕННЫХ. ОН ЖДАЛ, ЧТО ВОЕННЫЕ ЗАСТАВЯТ АЛЬЕНДЕ УЙТИ В ОТСТАВКУ, И НАДЕЯЛСЯ ПОБЕДИТЬ НА НОВЫХ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ.

Вот Фрей — натянутый, подчеркнуто старомодный — проезжает по улицам Сантьяго в странном ландо.

— ШЕСТЬ ЛЕТ ПРОСИДЕЛ ОН В ПРЕЗИДЕНТСКОМ КРЕСЛЕ, ЭТОТ ГЛАШАТАЙ ФАЛЬШИВОГО ЛОЗУНГА «КЛАССОВОГО МИРА». ЧТО ЭТО БЫЛ ЗА МИР — ОЩУТИЛИ НА СЕБЕ РАБОЧИЕ И ИХ СЕМЬИ. НО «МИРНЫЙ ПУТЬ» ФРЕЯ ВПОЛНЕ УСТРАИВАЛ АМЕРИКАНСКИЕ МОНОПОЛИИ.

Звуки грустной, бесхитростной народной мелодии. Убогие жилища бедняков. Нищета, голодные дети...

Полицейские, врывающиеся в бидонвили, где вповалку, прямо на полу спят люди.

...Однажды тысячи бедняков пришли на этот пустырь. Пришли ночью, с детьми, со своим старьем и основали здесь по своей воле и вопреки разрешению властей жилой поселок...

Полицейские, вооруженные до зубов карабинеры сгоняют людей с этого места, ломают палатки, выбрасывают в канавы носильные вещи, утварь...

— ЭТО ХРОНИКА ВРЕМЕН ПРАВЛЕНИЯ ПАРТИИ ФРЕЯ, ПАРТИИ ХРИСТИАНСКИХ ДЕМОКРАТОВ. ИХ МЕНЬШЕ ВСЕГО БЕСПОКОИЛО БЕДСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ — ГОЛОД, БЕЗРАБОТИЦА, ТРУЩОБЫ. ДАЖЕ ИЗ ЭТИХ ЖАЛКИХ ЛАЧУГ БЕДНЯКОВ СИЛОЙ ВЫБРАСЫВАЛИ ЖАНДАРМЫ СЕНЬОРА ФРЕЯ...

Каратели безжалостно избивают палками детей и женщин, втаскивают в машины отбивающихся мужчин. Но

схватка переходит уже в настоящий бой, и жандармам приходится туго. Теперь это уже не какое-то одно изолированное столкновение, не случайная стычка, а массовый, от кадра к кадру нарастающий подъем народной борьбы. Тысячи рабочих, пролетариев с флагами и транспарантами заполняют дороги Чили, проходят по мостам, осаждают широкие площади. Их терпению настал предел.

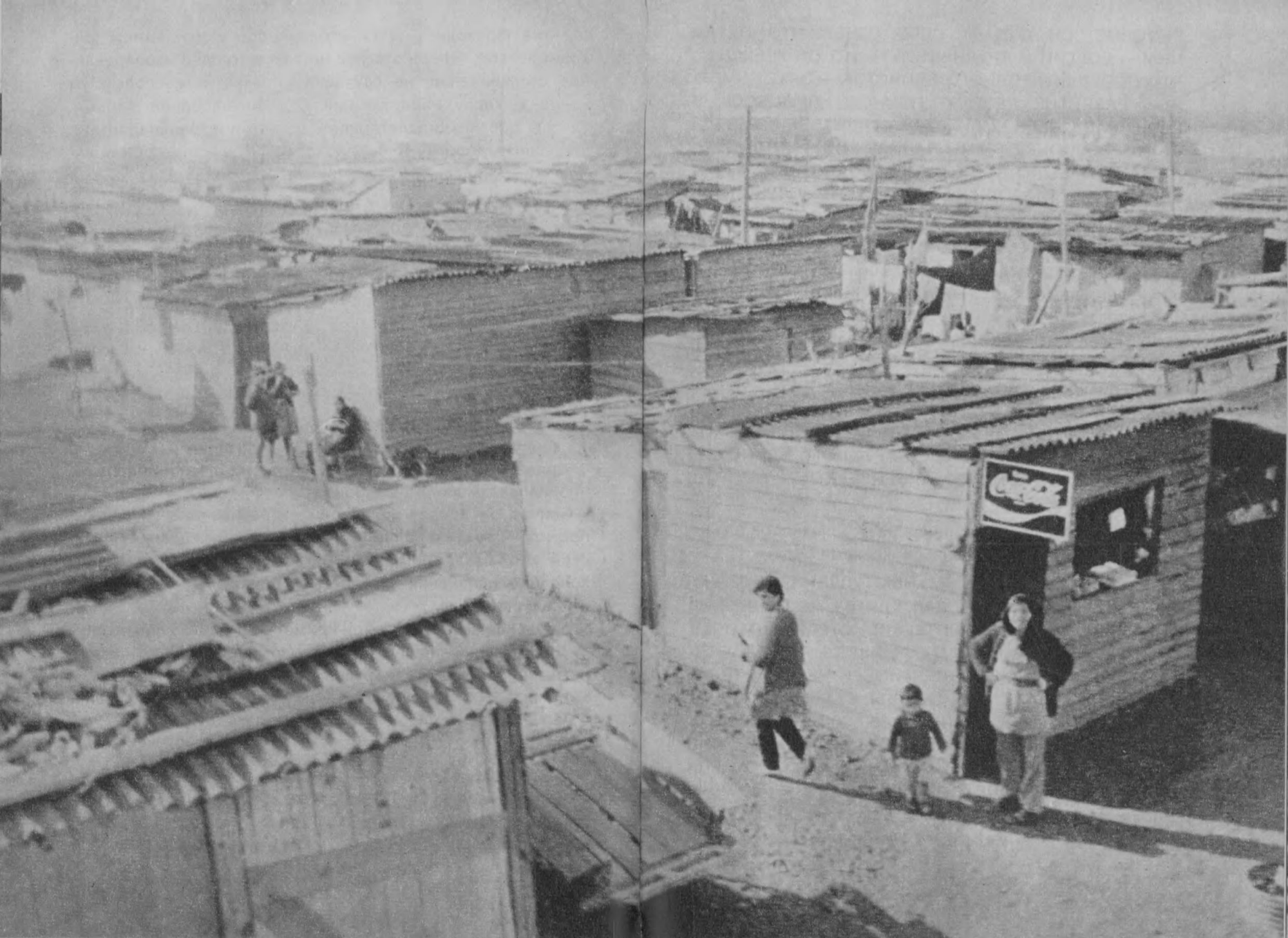
— ДОВЕДЕННЫЕ ДО ОТЧАЯНИЯ ЛЮДИ ПОДНИМАЛИСЬ НА БОРЬБУ. ТАК ШЛИ В САНТЬЯГО ГОРНЯКИ ЛОТЫ. ГОЛОДНЫЙ ПОХОД ОБЕЗДОЛЕННЫХ ВПИСАЛ В ИСТОРИЮ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ ЧИЛИЙСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА НОВУЮ СЛАВНУЮ СТРАНИЦУ, И ГЛУБОКО ЗАКОНОМЕРНО, ЧТО ЭТИ ТРУЖЕНИКИ, БЕДНЯКИ, ПРОСТЫЕ ЛЮДИ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ СЕМИДЕСЯТОГО ГОДА ОТДАЛИ СВОИ ГОЛОСА САЛЬВАДОРУ АЛЬЕНДЕ.

Церемония вступления Альенде на пост президента. Ему торжественно надевают президентскую ленту. Приветствуемый тысячами, он идет по площади, направляясь к дворцу Ла Монеда.

Сейчас он войдет во дворец — резиденцию чилийских президентов, одно из самых примечательных зданий чилийской столицы: в его архитектуре причудливо смешаны холодная испанская строгость и прихотливое изящество итальянских вилл.

...Альенде вместе с лентой примет от бывшего президента Фрея огромный внешний долг, экономический застой и полную зависимость меднорудной промышленности от таких американских монополий, как компания «Анаконда». А медь, по словам Альенде, это «зарплата Чили»...

— ПЕРВЫЙ В ИСТОРИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ПРЕЗИДЕНТ-МАРКСИСТ ВХОДИТ В ЛА МОНЕДА С МЕЧТОЙ О ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКЕ, О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ СЫРЬЕВЫХ РЕСУРСОВ СТРАНЫ И ОБ АГРАРНОЙ



РЕФОРМЕ. ОН ОТДАЕТ СЕБЕ ОТЧЕТ, ЧТО ПЕРЕД НИМ — ДОЛГИЙ И ТРУДНЫЙ ПУТЬ, НО ОН УБЕЖДЕН, ЧТО ПОБЕДА НАРОДНОГО ЕДИНСТВА — ЗАКОНОМЕРНОЕ РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА В ЕГО СТРАНЕ. ВЕДЬ ЧИЛИ, СКАЗАЛ АЛЬЕНДЕ В БЕСЕДЕ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ ПАРИЖСКОЙ «ЮМАНИТЕ-ДИМАНШ», БЫЛО ТРЕТЬИМ ГОСУДАРСТВОМ МИРА, ГДЕ ВОЗНИК НАРОДНЫЙ ФРОНТ. ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В 1936 ГОДУ,— «ЭСТАФЕТА ТЕХ ВРЕМЕН НАХОДИТСЯ В НАШИХ РУКАХ...».

Десятки тысяч жителей Сантьяго собрались на стадионе «Насиональ», где состоится массовый митинг. Это праздник победы трудового народа, и на этом празднике к своим соотечественникам обратится с речью первый президент-марксист.

Вот он подъезжает к стадиону...

— К ТОМУ САМОМУ СТАДИОНУ, ГДЕ СЕЙЧАС ФАШИСТСКАЯ ХУНТА ПЫТАЕТ И РАССТРЕЛИВАЕТ ЧИЛИЙСКИХ ПАТРИОТОВ, СТОРОННИКОВ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА, ЧЛЕНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА АЛЬЕНДЕ, КОММУНИСТОВ, СОЦИАЛИСТОВ...

Митинг на стадионе. Пламенная речь Сальвадора Альенде сопровождается восторженными криками людей.

— В ПЕРВОМ ЖЕ СВОЕМ ВЫСТУПЛЕНИИ ПЕРВЫЙ НАРОДНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ДАЛ КЛЯТВУ, НЕ ЩАДЯ СИЛ, ЗАЩИЩАТЬ КРОВНЫЕ ИНТЕРЕСЫ СТРАНЫ, СТОЯТЬ ЗА НАРОД, ИЗБАВИТЬ ЕГО ОТ НИЩЕТЫ, БЕЗРАБОТИЦЫ, ТРУЩОБ, ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТИ, НЕГРАМОТНОСТИ... ОН СДЕЛАЕТ ВСЕ, ЧТОБЫ СДЕРЖАТЬ СВОЮ КЛЯТВУ. ТРИ ГОДА ОН ПРОБУДЕТ У ВЛАСТИ, И ЗА ВСЕ ТРИ ГОДА У НЕГО НЕ БУДЕТ НИ ОДНОГО ДНЯ ОТДЫХА. ДО САМОГО ПОСЛЕДНЕГО УДАРА СЕРДЦА ОН НЕ ПОКИНЕТ ПОЛЯ БОЯ...

Народ верит ему. Народ ликует, радуется так, как может радоваться труженик, у которого нет ничего своего, кроме

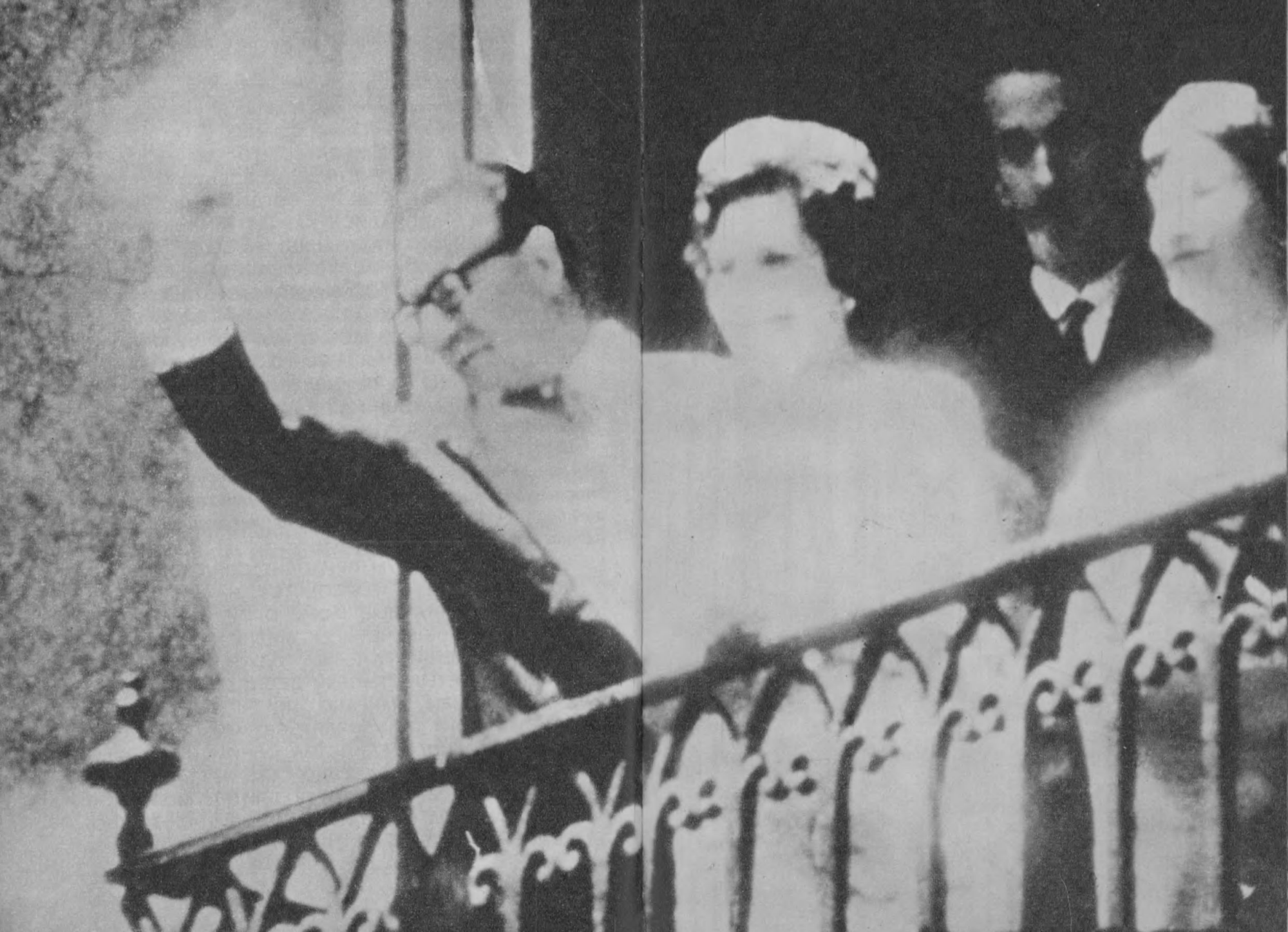
песни и танца, кроме старого цветастого пончо и улыбки надежды.

Стадион сотрясается от танцующих толп, от перезвона гитар, от песен, которые, кажется, летят за узорную гряду Андских гор, окружающих Сантьяго.

— КАК ГОРЬКО СОЗНАВАТЬ, ЧТО ЭТИ ЛЮДИ НЕ УБЕРЕГЛИ СЕБЯ, ПРОГЛЯДЕЛИ БОЛЬШУЮ БЕДУ... ОНА ПОДСТЕРЕГАЛА ИХ УЖЕ ТОГДА, КОГДА ОНИ ТАК ЛИКОВАЛИ, РАДОВАЛИСЬ КАК ДЕТИ! РАДОВАЛИСЬ СВОЕЙ ПЕРВОЙ НАСТОЯЩЕЙ ПОБЕДЕ. АЛЬЕНДЕ ПРИШЕЛ К ВЛАСТИ МИРНЫМ ПУТЕМ, И ОН СПРАВЕДЛИВО СЧИТАЛ, ЧТО НА ДОРОГЕ БУДЕТ МНОГО ТРУДНОСТЕЙ, МНОГО ИСПЫТАНИЙ — ВЕДЬ ЕМУ В НАСЛЕДСТВО ДОСТАЛАСЬ СТАРАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ МАШИНА. И МЕНЬШЕ ВСЕГО ОН ДУМАЛ О СЛОМЕ ЭТОЙ МАШИНЫ, О ПРИМЕНЕНИИ СИЛЫ,— НО КАК МОГ ОН ПОЛАГАТЬСЯ НА ОДНУ ТОЛЬКО СИЛУ УБЕЖДЕНИЯ!..

Дети... На их лицах светится радость... Уходит неизгладимая печать нищеты. Мы видим их, занимающихся в импровизированной школе, — пока под нее, правда, приспособлен автобус — старые, отслужившие свой век машины. Но для начала и это кое-что значит...

— НЕВОЛЬНО НА УМ ПРИХОДИТ ОДНА ЦИФРА: ЗА ПОЛВЕКА СВОЕГО ГОСПОДСТВА НА ЧИЛИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ ИНОСТРАННЫЕ МОНОПОЛИИ ВЫВЕЗЛИ ИЗ СТРАНЫ БОЛЬШЕ ЧЕТЫРЕХ МИЛЛИАРДОВ ДОЛЛАРОВ. И — ЕЩЕ ЦИФРА. В 1968 ГОДУ В ЧИЛИ УМЕРЛО ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ДЕТЕЙ ДО ОДНОГО ГОДА,— В МЕСЯЦ УМИРАЛО ПОЧТИ ДВЕ ТЫСЯЧИ ДЕТЕЙ!.. СТОИТ ЛИ УДИВЛЯТЬСЯ, ЧТО ПРАВИТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО ЕДИНСТВА ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ СВОИХ ДЕКРЕТОВ ПОДАРИЛО КАЖДОМУ ЧИЛИЙСКОМУ РЕБЕНКУ БЕСПЛАТНО ПОЛ-ЛИТРА МОЛОКА В ДЕНЬ... А ШКОЛ НЕ ХВАТАЕТ, НО УЧИТЬСЯ НУЖНО, ЖДАТЬ НЕКОГДА... В ПОСЕЛКЕ НА ОКРАИНЕ



САНТЬЯГО ДЕТИ ЗАНИМАЮТСЯ В АВТОБУСАХ... А ЖИВУТ ОНИ, ИХ ПАПЫ И МАМЫ ПОКА ЧТО ВОТ В ТАКИХ САМОДЕЛЬНЫХ ДОМИШКАХ.

Да, это мир бидонвилей, но люди, живущие в них, заботливо ухаживают за своими прямо-таки карточными домиками. В них чисто, прибрано,— цветочек, котенок, собачка, играющий малыш, обедающая семья — вся обстановка, мирный облик людей говорят о том, что и в их доме сверкнул лучик надежды. Скоро, скоро придет конец этим жалким трущобам!..

— ...МОЖЕТ БЫТЬ, ДЛЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ЭТО НЕ САМЫЕ УДРУЧАЮЩИЕ ТРУЩОБЫ. ВСЕ ЖЕ КАКОЕ-ТО ПОДОБИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЖИЛЬЯ, ГДЕ КАЖДЫЙ СТАРАЕТСЯ СОЗДАТЬ ЧТО-ТО НАПОМИНАЮЩЕЕ УЮТ. И ЛЮДИ, КОТОРЫХ МЫ СНИМАЛИ, НЕ СТЕСНЯЛИСЬ СВОЕЙ НИЩЕТЫ. ОНИ С ГОРДОСТЬЮ ГОВОРИЛИ НАМ, ЧТО ПРАВИТЕЛЬСТВО СТРОИТ ТУТ ЖЕ РЯДОМ НОВЫЙ ПОСЕЛОК И КАЖДЫЙ ДОБРОВОЛЬНО РАБОТАЕТ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ. КАЖДЫЙ ХОЧЕТ ПРИБЛИЗИТЬ РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ ПЕРЕЕЗДА В БЛАГОУСТРОЕННЫЕ КВАРТИРЫ.

Вырезанный из журнала портрет Че Гевары...

Девочка серьезно, задумчиво, мечтательно всматривается вдаль.

Улыбки мелькают на лицах людей...

Женщина поднимает на руки ребенка...

Люди, работающие на строительстве нового поселка, который, как и их старый, будет носить имя Че...

Все это вместе должно прозвучать с экрана как символ, как образ новой жизни, идущей на смену старым горестям и невзгодам.

Да и как чилийским пролетариям сомневаться в успехе своего дела, когда с ними рядом президент. И не фигурально, а в самом прямом смысле. Вот они приехали на

субботник, чтобы вколотить свой гвоздь в кровлю нового дома. Да, кажется, день переезда не за горами... Но...

— СБЫЛАСЬ ЛИ МЕЧТА ЭТИХ БЕДНЯКОВ О НОВОМ ДОМЕ?.. МЫ НЕ ЗНАЕМ... ДОЛГО ЛИ ПРИШЛОСЬ ИМ ЖИТЬ В ПОСЕЛКЕ ЧЕ... СТАЛО ИЗВЕСТНО ЛИШЬ, ЧТО В ДНИ ПОДЛОГО СЕНТЯБРЬСКОГО ПУТЧА ЭТОТ ПОСЕЛОК СТАЛ ОДНИМ ИЗ САМЫХ НЕПРИСТУПНЫХ ОЧАГОВ СОПРОТИВЛЕНИЯ... ХУНТА БРОСИЛА НА НЕГО ЭСКАДРИЛЬЮ БОЕВЫХ САМОЛЕТОВ, БОМБИЛА МИРНЫЕ СЕМЬИ, НЕ ЩАДЯ НИ ДЕТЕЙ, НИ ЖЕНЩИН, НИ СТАРИКОВ... КОНЧИЛОСЬ АВИАБОМБАМИ...

—...А НАЧИНАЛИ С КАСТРЮЛЬ...

Вот на экране пресловутая демонстрация «кастрюль».

Из квартала фешенебельных вилл к центру Сантьяго, к президентскому дворцу вышла довольно странная процессия. Изысканные дамы с кастрюлями, сковородками: жены промышленников и спекулянтов и просто отъявленные буржуазки, которым народная власть наступила на хвост.

Они истошно визжат, выкрикивают антиправительственные лозунги, бьют ложками в кастрюли, которые, наверно, впервые в жизни взяли в руки. Оказывается, цель этого спектакля — протест против нехватки продовольствия! Вот как выглядит запечатленный на пленку знаменитый «кастрюльный бунт».

— ...ДАМЫ, КОТОРЫХ МЫ ВИДЕЛИ В ГОЛЬФ-КЛУБЕ ЗА ЧАШКОЙ КОФЕ, ВОЗМУЩАЮТСЯ НЕХВАТКОЙ МЯСА В МАГАЗИНАХ. ОНИ, ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, ПРОГОЛОДАЛИСЬ!.. НО ИМЕННО В ЭТОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ НЕ УЧАСТВОВАЛИ ТЕ ЖЕНЫ РАБОЧИХ, КОТОРЫМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕЛЕГКО ЖИВЕТСЯ. И ИМЕННО ПОТОМУ, ЧТО МУЖЬЯ ЭТИХ «КАСТРЮЛЬЩИЦ» ДЕЛАЮТ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ, ЧТОБЫ ВЫЗВАТЬ В СТРАНЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ, ГОЛОД, ХАОС... НО МЫ ЗНАЕМ: ЗА КУЛИСАМИ ЭТОГО БАЛАГАНА СТОЯЛИ ВЕСЬМА ОПЫТНЫЕ И РАСЧЕТЛИВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИССЕРЫ, ИСПЫТАННЫЕ МАСТЕРА ГРЯЗНЫХ ДЕЛ.

И снова стайка разъяренных матрон, но уже других. Эти с виду попроще, но, пожалуй, и пострашнее. Офицерские жены — матроны, как правило, из зажиточных кругов, связавшие себя с высшим и средним командным составом кадровых военных. Большинство из них станет верным оплотом путчистов в сентябре семьдесят третьего... А пока — пошли в ход их жены... Чем-то недовольны, чего-то требуют, хотя правительство с приходом к власти улучшило условия жизни военных.

— ...ИХ ПОДТАЛКИВАЕТ ТА ЖЕ РУКА... ТЕ, КТО ПОДСТРЕКАЕТ АРМИЮ К МЯТЕЖУ...

На улицах Сантьяго — бесчинствующие молодчики и хулиганы. Почти подростки, сопляки, но уже готовые пустить в ход ножи, кастеты, автоматы и бомбы.

Разбитые стекла домов и магазинов, государственных контор... Атмосфера насилия и террора на наших глазах превращает улицы большого города в настоящее поле боя. А начинали — мамаши из респектабельных кварталов...

— ...ВСЛЕД ЗА НИМИ НА УЛИЦЫ УСТРЕМИЛИСЬ СЫНКИ... ВСЕ ПОШЛО В ХОД... И БУЛЫЖНИКИ, И ВЫСТРЕЛЫ, И КУЛАКИ, И БОМБЫ. НЕОФАШИСТЫ ИЗ «ПАТРИА И ЛИБЕРТАД» СОБИРАЮТ ВООРУЖЕННЫЕ ОТРЯДЫ, НАПАДАЮТ НА ПОЛИЦИЮ, АТАКУЮТ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ.

...Бесстрашный латиноамериканский революционер Че Гевара.

Человек из легенды. Его памятник в рабочем поселке Сантьяго обезглавлен.

— ...ФАШИСТЫ ПОДЛОЖИЛИ БОМБУ И ВЗОРВАЛИ БРОНЗОВЫЙ МОНУМЕНТ.

Но и без головы памятник Че — как грозное предостережение фашизму. Он засыпан цветами. У подножия — огромный портрет Че Гевары и сделанная чьей-то рукой надпись:

«Это дело фашистов-варваров!

Но пусть они знают, что Че Гевара живет в наших сердцах и будет жить вечно, так же как будет жить у нас в груди ненависть к фашизму».

— ВООРУЖЕННЫЕ ДО ЗУБОВ ОТРЯДЫ, ФАРИСЕИ ИЗ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ, ОГОЛТЕЛЫЕ ДЕМАГОГИ ИЗ «ПАТРИА И ЛИБЕРТАД» — ВСЕ ОНИ ВЫСТУПАЮТ «В СООТВЕТСТВИИ» С ОТЖИВШИМИ НОРМАМИ БУРЖУАЗНОГО ПРАВА, С КОТОРЫМИ ВЛАСТЯМ АЛЬЕНДЕ ВСЕ ЕЩЕ ПРИХОДИТСЯ СЧИТАТЬСЯ. КСТАТИ, ЗАЧАСТУЮ В ЭТИХ БЕСЧИНСТВАХ УЧАСТВУЮТ И УЛЬТРАЛЕВЫЕ ЭКСТРЕМИСТЫ. ОНИ ВЕДУТ СВОЮ ПОДЛУЮ ПРОВОКАТОРСКУЮ ЛИНИЮ, ИГРАЯ НА РУКУ ИМПЕРИАЛИЗМУ, ОТ КОТОРОГО ЕЩЕ ВЧЕРА ЗАВИСЕЛА СТРАНА...

Как странно выглядят улицы Сантьяго с наглухо зашторенными витринами. Закрытые магазины. Автомобили, которые

приходится подталкивать руками. Вмиг опустевшие лавки и внезапно исчезнувший с городских маршрутов общественный транспорт.

Атмосфера растерянности...

Недоумения...

Раздражения...

Длинные очереди...

— ОБСТРУКЦИЯ ПРАВЫХ В ПАРЛАМЕНТЕ И ДИВЕРСИИ ЗА ЕГО СТЕНАМИ... ОНИ НИЧЕМ НЕ ГНУШАЛИСЬ, ЧТОБЫ ПОДОРВАТЬ ДОВЕРИЕ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ, УМЫШЛЕННО ОПТОМ СКУПАЛИ ТОВАРЫ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ, ЗАКРЫВАЛИ ПРЕДПРИЯТИЯ, МАГАЗИНЫ И ЛАВКИ, ОГРОМНЫМИ ПАРТИЯМИ УКРЫВАЛИ НА ТАЙНЫХ СКЛАДАХ САХАР, РИС, МАКАРОНЫ, СПИЧКИ, СТИРАЛЬНЫЙ ПОРОШОК... ПЕРВЫЙ ИЗ ИХ УДАРОВ — НАМЕРТВО ЗАКРЫТЫЕ МАГАЗИНЫ... ВДРУГ ПОЧЕМУ-ТО ИСЧЕЗ БЕНЗИН... ОСТАНОВИЛСЯ ТРАНСПОРТ... КУДА ЖЕ ВСЕ ДЕВАЛОСЬ?!.. ХЛЕБ, МЯСО, ФРУКТЫ?!..

Большой морской порт. Разгружается торговое судно. Мясные туши перегружаются на рефрижераторы, на автопоезда и расходятся по всем дорогам страны.

— ПРАВИТЕЛЬСТВО ДЕЛАЛО ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ, ЧТОБЫ СТРАНА БЫЛА ОБЕСПЕЧЕНА ПРОДУКТАМИ. КРУПНЕЙШИЙ ПОРТ ВАЛЬПАРАЙСО ДЕНЬ И НОЧЬ ПРИНИМАЛ ТРАНСПОРТЫ С ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ... КУДА ЖЕ ЭТО ВСЕ ДЕВАЛОСЬ?!.. ЗЛОБНЫЙ, ХОРОШО ОРГАНИЗОВАННЫЙ САБОТАЖ! САБОТАЖ МЕЛКИХ ЛАВОЧНИКОВ, ЗА КОТОРЫМ КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ ДЕРЖИТ В РУКАХ ВСЕ РЫЧАГИ ДЬЯВОЛЬСКОЙ МАШИНЫ ЗАГОВОРА. НО ТРУДЯЩИЕСЯ ПОНИМАЛИ, ЧТО ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ ВИНОВАТО В ТРУДНОСТЯХ. И ТРЕБОВАЛИ ПРИНЯТИЯ РЕШИТЕЛЬНЫХ МЕР.

Мы видим, как на глазах у многих людей представители власти открывают лавку, закрытую саботажником, как

выкладывают на прилавок спрятанные товары. Смотрите, как встречается эта мера! Все дружно аплодируют.

— И ХОТЯ ВЛАСТИ ЗАСТАВЛЯЛИ САБОТАЖНИКОВ ОТКРЫВАТЬ МАГАЗИНЫ, ПРОДАВАТЬ НАРОДУ УКРЫТЫЕ ПРОДУКТЫ И МЕДИКАМЕНТЫ, — НЕ ТАК-ТО ПРОСТО БЫЛО ПОМОЧЬ РАБОЧЕМУ ЧЕЛОВЕКУ НАПОЛНИТЬ СВОЮ СУМКУ.

А стоимость жизни возрастает...

— ИНФЛЯЦИЯ ДОСТИГАЕТ УГРОЖАЮЩИХ РАЗМЕРОВ...

— РАСТУТ ОЧЕРЕДИ У БУЛОЧНЫХ, БАКАЛЕЙНЫХ ЛАВОК, АПТЕК...

Зато процветает черный рынок. Вот продавцы. Вот покупатели. Вот цены...

— ЗДЕСЬ МОЖНО БЫЛО КУПИТЬ ВСЕ ЧТО УГОДНО. БОГАТЫЙ АССОРТИМЕНТ ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ СЧИТАЕТ ДЕНЕГ. КТО САМ НАЖИВАЕТСЯ НА САБОТАЖЕ И ЛОКАУТЕ.

И руку, сжимающую несколько крупных купюр, словно сметает разлет флагов и транспарантов. Рабочие выходят на улицы, они готовы грудью встать на защиту своих завоеваний, конституции, правопорядка.

Массы людей заполняют площади чилийской столицы, трудящиеся требуют обуздать реакцию, облегчить положение народа.

Кадры рабочих митингов, манифестаций — сколько в них огня, сколько воли к борьбе!.. Грозно звучит боевая песня коммунистов «Венсеремос!» — «Мы победим!» — песня испанских республиканцев, сражавшихся с фашистами у стен Мадрида, в Астурии, в Каталонии.

— В ЭТИ ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ НАРОД ПОТРЕБОВАЛ: «ПУСТЬ БОГАТЫЕ ПОДЕЛЯТСЯ С НАМИ!», «ПОВЫСИТЬ ЗАРПЛАТУ ЗА СЧЕТ ДОХОДОВ БОГАЧЕЙ!» ПРАВИТЕЛЬСТВО ВЫДВИГАЕТ ЗАКОНОПРОЕКТ О ПОВЫШЕНИИ ЗАРПЛАТЫ, НО ЕГО НЕМЕДЛЕННО БЛОКИРУЮТ В АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНАХ, КОНТРОЛИРУЕМЫХ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ.

В кадрах чилийской кинохроники — фрагменты обсуждения законопроекта в одной из комиссий Конгресса.

Снисходительная ирония...

Ленивое высокомерие...

И явная враждебность — в лицах, во всем поведении этих прожженных крючкотворов.

— ... НУ ЧЕГО ЖЕ ОТ НИХ ЖДАТЬ! СМОТРИТЕ... УЖИМКИ... ЖЕСТЫ... ЦИНИЧНЫЕ СМЕШКИ... КОНЕЧНО ЖЕ, ОНИ НАЙДУТ ПАРАГРАФ, ЧТОБЫ УТОПИТЬ ЕЩЕ ОДНУ ПОПЫТКУ АЛЬЕНДЕ ОБЛЕГЧИТЬ ЖИЗНЬ ЧИЛИЙЦЕВ.

И снова Конгресс — зал заседаний.

Депутаты парламента занимают свои места... Правые, не скрывая ликования, предвкушают победу. Как же! Ведь у них под контролем на полном ходу «машина голосования». А за председательским столом — сам лидер христианских демократов сеньор Фрей.

— ПРАВИТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО ЕДИНСТВА НЕ МОГЛО ПРОБИТЬ ЭТУ СТЕНУ МОЛЧАНИЯ НА ПУТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ. И ХОТЯ ОНО ДЕЙСТВОВАЛО В РАМКАХ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ, ЛЮБОЙ ЗАКОНОПРОЕКТ, КАК ТОЛЬКО ОН ПОПАДАЛ В КОНГРЕСС, ПОДВЕРГАЛСЯ ОБСТРУКЦИИ. «РЕАКЦИЯ, — ГОВОРИЛ СЕНАТОР ЛУИС КОРВАЛАН, — НА СЛОВАХ ТРЕБУЯ УВАЖЕНИЯ К КОНСТИТУЦИИ, НА ПРАКТИКЕ САМЫМ ГРУБЫМ ОБРАЗОМ ЕЕ НАРУШАЛА...»

Парламент... Скучные, формальные словопрения... Один сенатор демонстративно закрыл лицо руками, другие переговариваются, смеются...

— У НИХ УЖЕ ДАВНО ЗРЕЕТ ПЛАН СМЕЩЕНИЯ КОАЛИЦИИ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА. САБОТАЖ, ЛОКАУТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ВЛАДЕЛЬЦЕВ МАГАЗИНОВ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ, УЧАСТИВШИЕСЯ СЛУЧАИ НАСИЛИЯ И ТЕРРОРА, — РАЗВЕ ЭТОГО МАЛО, ЧТОБЫ ВЫЗВАТЬ НЕДОВОЛЬСТВО НАРОДА?!.. КАЖЕТСЯ, НАСТАЛ БЛАГОПРИЯТНЫЙ МОМЕНТ, ЧТОБЫ НАСТРОИТЬ РАБОЧИХ ПРОТИВ ПРАВИТЕЛЬСТВА. И САМЫЕ БОЛЬ-

ШИЕ НАДЕЖДЫ РЕАКЦИОНЕРЫ ВОЗЛАГАЮТ НА ОЧЕРЕДНЫЕ ВЫБОРЫ В ПАРЛАМЕНТ... РАСЧЕТ ПРОСТ: ПОЛУЧИТЬ БОЛЕЕ ДВУХ ТРЕТЕЙ ГОЛОСОВ И СМЕСТИТЬ АЛЬЕНДЕ... ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ БЕРЕТ ВЫБОРЫ «В СВОИ РУКИ». ПОБЕДА ИХ ЛИДЕРА — ЭДУАРДО ФРЕЯ — ИМ КАЖЕТСЯ БЕССПОРНОЙ.

Пестрая хроника предвыборной борьбы. В духе самых что ни на есть «демократических» традиций. Неистовствующие зазывалы. Крикливые лозунги правых. Велеречивые позы и эффектные интервью. Улыбки... Автографы... Обещания... Обещания... Обещания...

Политическая арена вроде бы новая, а политики — старые.

Вот неисправимый консерватор Алессандри, — он уже однажды носил президентскую ленту. Кстати сказать, в 1924 году его привели к власти военные, недовольные своим материальным положением.

В открытую схватку с правительством вступил и сам Фрей. От него не отходят журналисты. Уже тогда он прозрачно намекал им, что правительство Народного единства «поставило себя вне законности».

Не скрывает своих намерений и лидер крайне правых экстремистов Харп. Разделаться с коммунистами и социалистами, покарать всех непокорных — вот его предвыборное кредо. Кумир восторженных дамочек из тех, кто ходит в «Леонес», он не устает повторять, что сумеет «выкорчевать корни марксизма»...

— ОНИ МОБИЛИЗОВАЛИ ВСЕ СВОИ СИЛЫ... ПУЩЕНЫ В ХОД ВСЕ БАЛАГАННЫЕ СРЕДСТВА... ОНИ УЖЕ БЬЮТ В ПОБЕДНЫЕ БАРАБАНЫ... СМОТРИТЕ, КАК ЛЕЗЕТ ИЗ КОЖИ ЭДУАРДО ФРЕЙ — ЭТИ ВЫБОРЫ СЕРЬЕЗНАЯ СТАВКА В ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИГРЕ... ИГРОК!.. ПОТОМ ОН СДЕЛАЕТ СТАВКУ НА ВОЕННЫХ, НО ХУНТА, ЗАХВАТИВШАЯ ВЛАСТЬ В СТРАНЕ, И НЕ ПОДУМАЕТ ПЕРЕДАТЬ ЕЕ ФРЕЮ И ХРИСТИАНСКИМ ДЕМОКРАТАМ, ХОТЯ НАРУШИЛА КОНСТИТУЦИЮ ПО ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВУ САМОЙ ЖЕ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ!..

— ...ЭТИ СИМПАТИЧНЫЕ ДАМЫ, КОНЕЧНО, ЖАЖДУТ ЛИДЕРА НАЦИОНАЛИСТОВ — МАХРОВОГО РЕАКЦИОНЕРА ХАРПА... ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК! МЕРТВАЯ ХВАТКА!..

Флаги социалистической партии. Лозунги Народного единства.

Толпы людей приветствуют Сальвадора Альенде.

Он пробирается сквозь человеческий водоворот к трибуне. Предвыборный митинг его партии. Поющие дети. Обстановка подлинного энтузиазма, искреннего подъема красноречиво противостоит маскарадной напыщенности предвыборной кампании правых.

Настает день выборов.

Празднично украшенные избирательные участки.

Очереди к урнам для голосования. Активность народа превосходит все ожидания.

Голосуют женщины, мужчины, старики...

Даже больные, не имеющие возможности передвигаться люди спешат выполнить свой гражданский долг.

И здесь среди избирателей, на участке, в момент голосования мы встречаем Сальвадора Альенде. Он с женой, с членами своей семьи — веселый, уверенный, готовый ответить на любой вопрос, поговорить по душам с каждым, кто заинтересован в судьбах страны.

Начинается подсчет голосов...

И где-то в отдалении возникает песня борьбы, песня революции...

Да, свершилось! Большинство голосов народ отдал представителям партий, входящих во фронт Народного единства. Несмотря на экономические трудности. Несмотря на бесчинства фашиствующих молодчиков. Несмотря на угрозы, провокации, демагогию правых...

— ОППОЗИЦИЯ НЕ ТОЛЬКО НЕ НАБРАЛА ОЖИДАЕМЫХ ДВУХ ТРЕТЕЙ ГОЛОСОВ, НО ДАЖЕ ПОТЕРЯЛА ЧАСТЬ СВОИХ МЕСТ В ПАЛАТЕ ДЕПУТАТОВ И В СЕНАТЕ. ПАРТИИ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА ОДЕРЖАЛИ УБЕДИТЕЛЬНУЮ ПОБЕДУ НА ВЫБОРАХ. ТРУДЯЩИЕСЯ ЧИЛИ СКАЗАЛИ СВОЕ СЛОВО!..

Толпы людей на улицах. Одни не скрывают восторга. Другие в смятении. Возникают стихийные митинги. Над головами плывут листовки. Нет, напряжение не спадает, а обостряется еще больше. Ведь большинство в Конгрессе остается за оппозицией. Фашисты же выходят из себя, не прячут своих намерений, прибегают к новой тактике.

Вот митинг, на котором выступает главарь фашистской организации «Патриа и Либертад» Родригес.

— ПАБЛО РОДРИГЕС ПОСЛЕ ВЕСЕННИХ ВЫБОРОВ ЗАБИЛ ТРЕВОГУ. В СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОМ ГОДУ, СКАЗАЛ ОН, НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ, ЕСЛИ ОНИ СОСТОЯТСЯ, МАРКСИЗМ ПОЛУЧИТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ПРОЦЕН-

ТОВ ГОЛОСОВ. МЫ ДОЛЖНЫ ДЕЙСТВОВАТЬ ДО СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОГО ГОДА. ДЕЙСТВОВАТЬ СЕЙЧАС!..

...А улицы Сантьяго заполнены восторженными людьми.

На плакатах — призывы крепить Народное единство. На лицах — радость новой победы. Но теперь, как никогда, необходимо сплочение, организованность, дисциплина... Нужно много и хорошо трудиться, невзирая на трудности, на невзгоды, которые еще не так-то легко устранить.

...С трибуны к народу обращается Сальвадор Альенде.

На Сантьяго, на вершины Андских гор опускается вечер...

Глава третья

Весна, омытая кровью

По улицам, словно гонимые злым ветром, развеяны бумажные листочки. Листовки правых, как воронье, накликивают беду. Люди поднимают их и бросают в тут же горящие костры. Но отравленные призывы, оскорбления, наветы не проходят бесследно. «Альенде продался красным...», «Страна идет к хаосу...», «...Правительство проявляет безответственность перед лицом анархии!..»

АНАРХИИ, РАЗВЯЗАННОЙ САМИМИ ЖЕ ПРАВЫМИ!..

Сантьяго... В тревожных язычках костров... Взъерошенный, беспокойный... То там, то здесь возникают стычки. Откуда-то зовут на помощь... Мелькают полицейские машины... Но очень нерешительно действуют блюстители порядка.

— ...НА ЭТИХ УЛИЦАХ И ПЛОЩАДЯХ, ГДЕ МНЕ ЗНАКОМ КАЖДЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК, НЕ ПРЕКРАЩАЛИСЬ ВЫЛАЗКИ ФАШИСТСКИХ ШТУРМОВИКОВ. ИНАЧЕ Я НАЗВАТЬ ИХ НЕ МОГУ...

Их и невозможно назвать по-другому. Кажется, только вчера за правительство Народного единства проголосовало сорок четыре процента избирателей. У оппозиции рухнула последняя надежда убрать Альенде при видимом соблюдении легальности. И вот теперь заговорщики прилагают все усилия к тому, чтобы подорвать конституционный порядок.

— ОНИ, СОБСТВЕННО, ПРЕСЛЕДОВАЛИ ОДНУ ЦЕЛЬ: ДЕРЖАТЬ НАРОД В ПОСТОЯННОМ НАПРЯЖЕНИИ. ВОТ, МОЛ, СМОТРИТЕ, — НЕТ И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИКАКОГО ПОРЯДКА, ПОКА У ВЛАСТИ ЛЕВЫЕ. НУ, А КОМУ НЕ ИЗВЕСТНО, ЧТО ЗА ЭТИМИ ХУЛИГАНАМИ СТОЯЛИ ВЕСЬМА МОГУЩЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ И ДАЛЕКО ИДУЩИЕ ИНТЕРЕСЫ...

До отказа набитый автобус. Люди забрались даже на его крышу.

На остановках городской транспорт берется буквально с бою.

Паника. Негодование. Непонимание. Отчаяние... Все в этих кадрах, снятых в те дни, в дни, предшествовавшие военному путчу.

— УДАРЫ НАНОСИЛИСЬ ПО САМЫМ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫМ МЕСТАМ. К РОСТУ ЦЕН, К ОЧЕРЕДЯМ, К ДЕНЕЖНОЙ ИНФЛЯЦИИ ПРИБАВИЛИСЬ НЕУРЯДИЦЫ С ГОРОДСКИМ ТРАНСПОРТОМ. ПРАВЫЕ ПРЕКРАСНО ЗНАЮТ, ЧТО ОСТАНОВИТЬ АВТОБУСЫ — ЗНАЧИТ ВЫЗВАТЬ ЕЩЕ ОДИН ПРИЛИВ НЕДОВОЛЬСТВА, НАКАПЛИВАТЬ РАЗДРАЖЕНИЕ, ЗЛОБУ... РАСЧЕТ ПРОСТ И ПОДЛ. РАСЧЕТ НА ТО, ЧТО ДАЖЕ ЛОЯЛЬНЫЕ К РЕЖИМУ ЛЮДИ НЕ ВЫДЕРЖАТ: «НУ КОГДА ЖЕ ЭТОМУ ПРИДЕТ КОНЕЦ?!.. НУ ЧТО ЭТО, В САМОМ ДЕЛЕ, ЗА ПРАВИТЕЛЬСТВО — НЕ МОЖЕТ ДАЖЕ ОРГАНИЗОВАТЬ НОРМАЛЬНУЮ РАБОТУ АВТОБУСОВ!..»

А может быть, не хватает машин? Но вот автобусы, — не один и не два, а десятки. Они стоят и вроде бы не собираются выходить на свои маршруты, к остановкам, где жители столицы безуспешно пытаются пробиться в машины, даже приблизиться к ним.

— ТАК СТОЯЛИ В БЕЗДЕЙСТВИИ ТЫСЯЧИ МАШИН. И ЭТО, ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, НАЗЫВАЛОСЬ «ЗАБАСТОВКОЙ»!.. ТЕПЕРЬ МЫ ЗНАЕМ, ЧТО СУЩЕСТВОВАЛ СЕКРЕТНЫЙ ПЛАН ОТСТРАНЕНИЯ ОТ ВЛАСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАРОДНОГО ЕДИНСТВА. ОН ИМЕЛ ДАЖЕ КОДОВОЕ НАЗВАНИЕ, РЕАКЦИЯ ВОЗЛАГАЛА БОЛЬШИЕ

НАДЕЖДЫ НА ЗАБАСТОВКУ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ГРУЗОВИКОВ И ТРАНСПОРТНИКОВ, СТАРАЯСЬ ПРИДАТЬ ЕЙ МАССОВЫЙ ХАРАКТЕР. МНОГИМ, НАДО СКАЗАТЬ, «БАСТОВАТЬ» БЫЛО УДОБНО, НАМНОГО ВЫГОДНЕЕ, ЧЕМ РАБОТАТЬ. КАЖДЫЙ ИЗ «ЗАБАСТОВЩИКОВ» ПОЛУЧАЛ ИЗ КАКОЙ-ТО БЕЗДОННОЙ КАЗНЫ В ДЕСЯТЬ РАЗ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОБЫЧНО ОН ВЫРУЧАЛ ТРУДЯСЬ...

Шоссе заполнено стоящими машинами. Атмосфера на грани взрыва. Безучастные полицейские на дорогах. Огни и дымы пожарищ на горизонте. И... веселящиеся, ухмыляющиеся водители машин — те же мелкие лавочники, из числа которых рекрутируются «штурмовые» отряды правых. Больше того, они бастуют довольно активно! Не дают проехать по дорогам автомашинам с жизненно необходимыми для населения грузами, разбрасывают по дорогам специально изготовленные в массовом количестве железные колючки. Кто и где их делал?..

Они — эти упрямые «забастовщики» — вытаскивают из машин верных правительству и народу водителей, избивают, а некоторых убивают.

Кто их оплачивает? Кто дает им колючки и деньги?!..

— ...ЗНАЕМ ЭТУ МОШНУ!.. ОНА ОСТАНАВЛИВАЛА НЕ ТОЛЬКО АВТОБУСЫ, ОНА СВЕРГАЛА ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ, СБРАСЫВАЛА НЕУГОДНЫХ ПРЕЗИДЕНТОВ, ОПЛАЧИВАЛА ПЕРЕВОРОТЫ, БЛАГОСЛОВЛЯЛА ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ.

Шофер возится у автомашины со спущенным колесом...

— ПРОСТАЯ, КАЗАЛОСЬ БЫ, ШТУКА — КОЛЮЧКА НА ШОССЕ, А ВЕДЬ ОНА ПОЧТИ ПАРАЛИЗОВАЛА ВСЮ ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ СТРАНЫ, ПЕРЕКРЫЛА ЕЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ АРТЕРИИ.

Но машины — они все-таки пошли, идут. Их не могут задержать взбесившиеся хулиганы. Рабочие, юные парни, девчонки из бедных районов вышли на дороги, повели автобусы и автофургоны, стали ремонтировать поврежденные диверсантами и саботажниками автомобили.

Надписи на машинах:

«Пусть меня убьют, а я довезу!»

«Не будь я чилиец, если я не довезу рабочих!»

«Пусть бог мне поможет!..»

— НА ПРИЗЫВ ПРАВИТЕЛЬСТВА ДАТЬ ОТПОР САБОТАЖНИКАМ ОТКЛИКНУЛИСЬ ПАТРИОТЫ ЧИЛИ, ВСЕ ЧЕСТНЫЕ ЛЮДИ СТРАНЫ — И ПРЕЖДЕ ВСЕГО — РАБОЧИЕ, МОЛОДЕЖЬ, СТУДЕНТЫ. ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ПЕРЕВОЗИТЬ ЛЮДЕЙ, ВМЕСТО АВТОБУСОВ РАБОЧИЕ ВЫВЕЛИ НА ДОРОГИ ГРУЗОВИКИ, РИСКУЯ ПОЛУЧИТЬ ИЗ-ЗА УГЛА ФАШИСТСКУЮ ПУЛЮ... ОНИ СТРОИЛИ И РЕМОНТИРОВАЛИ МАШИНЫ, СУТКАМИ НЕ ВЫХОДИЛИ ИЗ ЦЕХОВ... СТУДЕНТЫ РАЗГРУЖАЛИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕ, РАБОТАЯ ДЕНЬ И НОЧЬ... НЕ ТЕ ЛИ ЭТО РЕБЯТА, КОТОРЫХ ПОСЛЕ СЕНТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА ХУНТА БУДЕТ КОСИТЬ ИЗ ПУЛЕМЕТОВ ВО ДВОРЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА...

Парни поднимают мешки, наваливают на грузовики. Они еле держатся на ногах, видно, что уже которую ночь не спят. Но их не остановить!..

— ДА, ЭТО ТЕ САМЫЕ МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ, КОТОРЫХ БЕЗЖАЛОСТНО РАССТРЕЛЯЕТ ХУНТА В ТОТ ЧЕРНЫЙ СЕНТЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ... В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ИЗ ДВОРЦА ЛА МОНЕДА ВЫНЕСУТ ТЕЛО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ... ТОТ ДЕНЬ НЕОТВРАТИМО ПРИБЛИЖАЕТСЯ... А ПОКА...

Стелется дым над дорогой. Где-то пылает пожар, трещат выстрелы. Несут раненую девушку, укладывают в медицинскую машину.

Нестерпимый вой сирен.

Взрывы на улицах и дорогах.

Горит нефтебак...

— ПОЛОЖЕНИЕ УСУГУБЛЯЛОСЬ ДЕЗОРГАНИЗУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЛЕВАКОВ. ОНИ САМОВОЛЬНО ЗАХВАТЫВАЛИ ЗАВОДЫ, СТАВИЛИ ЗАГРАЖДЕНИЯ НА ДОРОГАХ, ВЗРЫВАЛИ НЕФТЕПРОВОДЫ. ПРАВЫЕ И

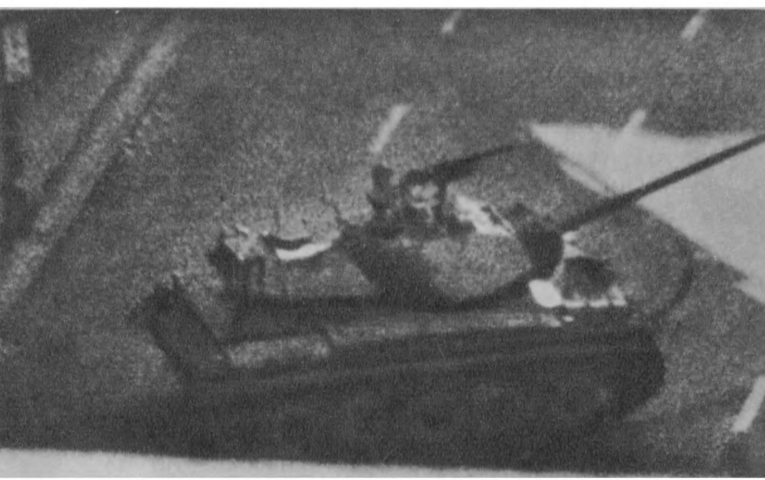
ЛЕВЫЕ ЭКСТРЕМИСТЫ ДУЛИ В ОДНУ ДУДУ... И ИХ ЩЕДРО ОДАРИВАЛИ ДЕНЬГАМИ И ОРУЖИЕМ. ОНИ СТРЕЛЯЛИ ИЗ-ЗА УГЛА, А ПОТОМ — ВЕРХ ЦИНИЗМА! — ОБВИНЯЛИ ВО ВСЕХ БЕДАХ ПРАВИТЕЛЬСТВО!.. НЕОФАШИСТЫ ИЗ «ПАТРИА И ЛИБЕРТАД» НЕ УСТАВАЛИ ГОРЛАНИТЬ, ЧТО «НАРОД ЧИЛИ ДОЛЖЕН ПОНЯТЬ НАКОНЕЦ — ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕСПОСОБНО ОБЕСПЕЧИТЬ ВНУТРЕННИЙ ПОРЯДОК, СНАБЖЕНИЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ ЛЮДЕЙ!..».

На дорожном асфальте — пятна чьей-то только что пролитой крови.

В кадр входит зияющее жерло танкового орудия.

— ШАГ ЗА ШАГОМ, ПЛАНОМЕРНО РЕАКЦИЯ ШЛА К ВОЕННОМУ ПЕРЕВОРОТУ...

Медленно, словно опасаясь чего-то, по улице ползет танк. За ним следует другой.



От дома к дому пробирается группа солдат.

— ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ВОЕННОГО МЯТЕЖА БЫЛА ПРЕДПРИНЯТА В КОНЦЕ ИЮНЯ 1973 ГОДА. ВПЕРВЫЕ ЗА ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ КОАЛИЦИИ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА НА СЦЕНУ ВЫШЛА РЕАКЦИОННАЯ ВОЕНЩИНА. ПРЕСЛОВУТЫЙ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ» ЧИЛИЙСКОЙ АРМИИ ОКАЗАЛСЯ БЛЕФОМ. НЕЗАДОЛГО ДО ИЮНЬСКОГО МЯТЕЖА ГРУППА РЕАКЦИОННЫХ ГЕНЕРАЛОВ И АДМИРАЛОВ УГРОЖАЛА АЛЬЕНДЕ ТЕМ, ЧТО «ПОРЯДОК, ПОДЧИНЯЮЩИЙ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ СТРАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, БУДЕТ НАРУШЕН И АРМИЯ ПРЕВРАТИТСЯ В АВТОНОМНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ».

Хроника событий июньского мятежа.

Короткие перестрелки.

Бегущие солдаты.

Остановленные танки.

Дворец Ла Монеда, окруженный верными правительству войсками.

Министр внутренних дел генерал Пратс, после убийства генерала Шнейдера заявивший, что он разделяет взгляды своего предшественника. Он хочет поддержать единство и ведет за собой некоторую часть военных, верных правительству.

Вот Пратс среди солдат и офицеров на улицах Сантьяго в часы июньского путча.

— НО ТОГДА РЕАКЦИОННАЯ ВОЕНЩИНА НЕ РАССЧИТАЛА СВОИХ СИЛ ПОЛНОСТЬЮ И ДО КОНЦА. МНОГИЕ ОФИЦЕРЫ И СОЛДАТЫ, КОТОРЫХ ПОТОМ, ПЕРЕД СЕНТЯБРЕМ, УСТРАНЯТ,— ТАКИЕ, КАК ГЕНЕРАЛ ПРАТС,— СОХРАНЯЛИ ВЕРНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ И ПРЕЗИДЕНТУ...

Бронетранспортеры с солдатами, патрули карабинеров перекрыли все подходы к президентскому дворцу.

...А на улицах Сантьяго — тысячи и тысячи горожан. Рабочие, студенты — толпы, колонны пролетариев устремляются к правительственным учреждениям столицы. Буквально все улицы и площади чилийских городов захлестнули народные массы.

«Они не пройдут!»

«Родина или смерть!»

— ПУТЧ ЗАХЛЕБНУЛСЯ, НО ЗАГОВОР НЕ БЫЛ СОРВАН. В МЯТЕЖЕ 29 ИЮНЯ ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ ОДИН ТОЛЬКО ПОЛК, ДРУГИЕ ЧАСТИ НЕ СУМЕЛИ ВЫСТУПИТЬ — ПОМОГЛО СВОЕВРЕМЕННОЕ РАСКРЫТИЕ ЗАГОВОРА И АРЕСТ НЕКОТОРОГО ЧИСЛА ОФИЦЕРОВ. НО МНОГИЕ ГАРНИЗОНЫ, КОНТРОЛИРУЕМЫЕ ПРАВЫМИ, УЖЕ ПРИШЛИ В ДВИЖЕНИЕ. ЛИШЬ ПЯТЬ ИЛИ ШЕСТЬ ГЕНЕРАЛОВ ИЗ ДВАДЦАТИ ПЯТИ ПОДДЕРЖИВАЛИ НАРОДНОЕ ЕДИНСТВО. ПРИБЕЖИЩЕ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ ВОЕННЩИНЫ, ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «АРМАДА» — АДМИРАЛЫ, МОРСКИЕ ОФИЦЕРЫ — ПРОЯВЛЯЛА ОСОБУЮ НЕПРИМИРИМОСТЬ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ АЛЬЕНДЕ. ЭТО ОНИ ОТВЕРГЛИ ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА ПРАТСА — «ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ДОЛЖНЫ СОБЛЮДАТЬ КОНСТИТУЦИЮ!..». И ПРАТС ПОДАЛ В ОТСТАВКУ НЕ ТОЛЬКО СО СВОЕГО МИНИСТЕРСКОГО ПОСТА, НО И СЛОЖИЛ С СЕБЯ ПОЛНОМОЧИЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО СУХОПУТНЫМИ ВОЙСКАМИ...

— НАЗРЕВАЛ КРИЗИС... «ПАТРИА И ЛИБЕРТАД» ВСТУПИЛА В СГОВОР С МЯТЕЖНЫМИ ОФИЦЕРАМИ... НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАРТИЯ ПРИЗЫВАЛА К «ВТОРОЙ ДЖАКАРТЕ»...

Два берега широкой и бурной реки связал длинный, длинный мост. И сколько видит глаз, по мосту движутся колонны организованных рабочих. И им нет конца...

— КАЖЕТСЯ, ВЕСЬ НАРОД ЧИЛИ БЫЛ ЕДИН В СВОИХ ПОМЫСЛАХ, СПЛОЧЕН В СТРЕМЛЕНИИ ПОДДЕРЖАТЬ СВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО...

Идут рабочие Лица твердые, полные решимости и силы.

— ...ЧТО ЖЕ, В КОНЦЕ КОНЦОВ, ПРОИЗОШЛО В ЭТОЙ ДАЛЕКОЙ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ СТРАНЕ?.. СТРАНЕ, ЧТО ЗА КАКИЕ-ТО ТРИ ГОДА СТАЛА РОДНОЙ МИЛЛИОНАМ ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ НА ЗЕМЛЕ... БЛИЗКОЙ И РОДНОЙ...

Медленно, величаво проплывает под крылом самолета прекрасная панорама горных вершин. Кордильеры и — сразу — море.

Мыс Горн. Холодные волны Антарктики разбиваются о скалы. Над ними, над морем бегут тревожные облака... Тревожно кричат чайки...

Безлюдно и пустынно на этом краю земли, где дальше уже нет никакого человеческого жилья. Дальше — Антарктида... Но это Чили, край чилийской земли...

— ...ЧТО ЖЕ НА НЕЙ ПРОИЗОШЛО?.. МНОГИЕ СЕГОДНЯ, ЗАТАИВ БОЛЬ, СКЛОННЫ УПРЕКАТЬ САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ В ИЗЛИШНЕЙ МЯГКОСТИ, В ТОМ, ЧТО ОН СЛИШКОМ СКРУПУЛЕЗНО СОБЛЮДАЛ КОНСТИТУЦИЮ, ЧТО ОН ВЫНУЖДЕН БЫЛ СЧИТАТЬСЯ С РЕАКЦИОННОЙ «АРМАДОЙ» И ЕЕ ПРИТЯЗАНИЯМИ, ЧТО ОН НЕ ВЕРИЛ В ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА. А В ТО ЖЕ ВРЕМЯ БУРЖУАЗИЯ, ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ, РЕАКЦИОННАЯ ВОЕНЩИНА ДЕЛАЛИ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ, ЧТОБЫ РАСТОПТАТЬ КОНСТИТУЦИЮ, РАЗВЕЯТЬ МИФ АПОЛИТИЧНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ...

— ...КАК ЖЕ ОН МОГ, ОН, ПЕРВЫЙ В ИСТОРИИ ЧИЛИ НАРОДНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ, ЗАБЫТЬ О ТЕХ ВРЕМЕНАХ, КОГДА В СТРАНЕ СВИРЕПСТВОВАЛА ДИКТАТУРА «ГОРИЛЛ»?.. КОГДА ГОРДОСТЬ НАЦИИ ПАБЛО НЕРУДА НАХОДИЛСЯ В ИЗГНАНИИ, А САМ АЛЬЕНДЕ — ЮНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР — БЫЛ ОТДАН ПОД СУД ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА?!.. ВЕДЬ ЭТО БЫЛО?.. БЫЛО?!..

Вздыбленный морской простор. Кипящие волны. Кричащие чайки...

— ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО?

Школа. Класс. Маленькие дети тоненькими голосами выводят гимн республики Чили. Учитель аккомпанирует им на гитаре.

Высокий и нежный детский голосок.

Большие, немного удивленные, полные доверия глаза.

Мальчик старательно поет гимн.

И кажется, что их хрупкие голоса звучат над всей чилийской землей...

— ЗА КАКИХ-ТО ТРИ ГОДА — ВСЕГО ЛИШЬ ТРИ ГОДА! — НАРОД ОЩУТИЛ СЕБЯ ХОЗЯИНОМ СВОЕЙ СУДЬБЫ. И ВДРУГ ОКАЗАЛСЯ ВО ВЛАСТИ ФАШИСТСКИХ УБИЙЦ... ЧТО ЖЕ — ЭТО БЕСПОВОРОТНО?!.. И ЭТИ ШКОЛЬНИКИ, КОТОРЫХ МЫ СНИМАЛИ НА ОГНЕННОЙ ЗЕМЛЕ, — МАЛЫШИ, ТОЛЬКО-ТОЛЬКО ВЫУЧИВШИЕ СВОЙ ГИМН, ГИМН СВОБОДНОЙ СТРАНЫ! —

НЕТ, Я НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ, ЧТО ОНИ БУДУТ ЖИТЬ ПОД ФАШИСТСКИМ САПОГОМ!..

Вот новый житель нашей планеты, родившийся на краю земли и зарегистрированный в ее самой южной точке. Довольный и гордый отец бережно держит его на руках.

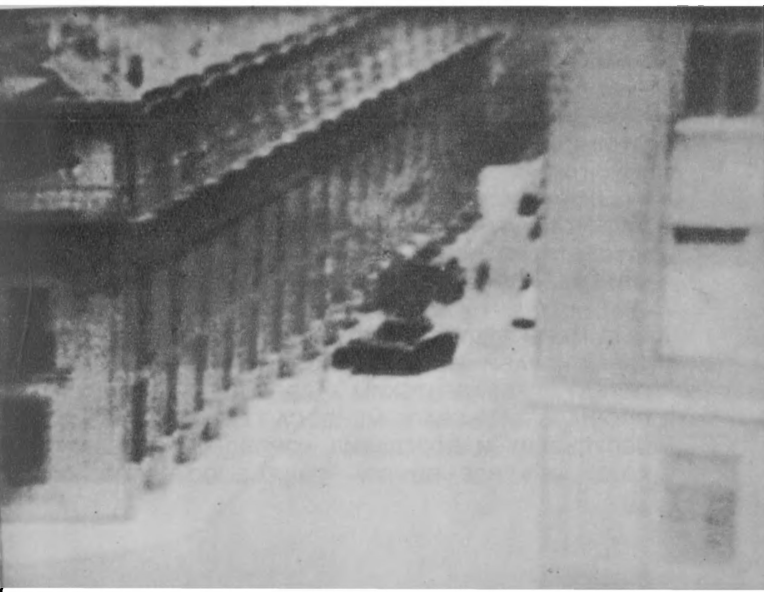
— ...И ЭТОТ РЕБЕНОК... ЭТОТ МАЛЕНЬКИЙ ГРАЖДАНИН ЧИЛИ — ЧТО, И ОН УЖЕ ПРИГОВОРЕН ЖИТЬ ПОД ВЛАСТЬЮ ГЕНЕРАЛЬСКОЙ ХУНТЫ?!..

Ребенок...

Танк.

Танки, идущие по пустынным улицам Сантьяго.

Раннее утро... Весна... Деревья в свежем убранстве листвы и цветов.



Танки крадутся по вымершим улицам, — медленно, осторожно...

— УТРО 11 СЕНТЯБРЯ 1973 ГОДА. К ЛА МОНЕДА, К ПРЕЗИДЕНТСКОМУ ДВОРЦУ ПОДТЯГИВАЮТСЯ ТАНКИ ГЕНЕРАЛА ПИНОЧЕТА... ЭТОТ ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ СТАЛ ТРАГИЧЕСКОЙ ВЕХОЙ В ИСТОРИИ ЧИЛИЙСКОГО НАРОДА. В ИСТОРИИ ВСЕХ СВОБОДОЛЮБИВЫХ НАРОДОВ...

Стайка мальчишек — невесть откуда взявшаяся — приближается к президентскому дворцу. Здесь очень тихо. Еще нет солдат и их зловещих машин... Кто их заснял?..

— В ТО РАННЕЕ УТРО ЮНЫЕ ЧИЛИЙЦЫ ПРОБИЛИСЬ КО ДВОРЦУ, КАКИМ-ТО ЧУДОМ ПРОШЛИ СКВОЗЬ СОЛДАТСКИЙ ЗАСЛОН... НАВЕРНО, ОНИ ХОТЕЛИ ПРЕДУПРЕДИТЬ ПРЕЗИДЕНТА ОБ ОПАСНОСТИ... ВЕДЬ ТАНКИ МЯТЕЖНИКОВ УЖЕ БЫЛИ РЯДОМ.

Альенде выходит на балкон. Этот поразительный документ — последняя прижизненная съемка товарища президента. На мгновение кадр останавливается. Чтобы люди могли лучше рассмотреть и запомнить.

— БОЛЬШЕ САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ ЖИВЫМ УЖЕ НИКТО НЕ УВИДИТ. КРОМЕ ТЕХ, КТО СРАЖАЛСЯ РЯДОМ С НИМ... ПРИНИМАЛ ПОСЛЕДНИЙ СМЕРТНЫЙ БОЙ...

Вот он скрывается за балконной дверью...

— ...ВОТ СВИДЕТЕЛЬСТВО ЛИЧНОГО СЕКРЕТАРЯ ПРЕЗИДЕНТА ХУАНА ГАРСЕСА: «...В СЕМЬ ЧАСОВ УТРА 11 СЕНТЯБРЯ ПРЕЗИДЕНТ ПОЛУЧИЛ СООБЩЕНИЕ О МЯТЕЖЕ ФЛОТА В ВАЛЬПАРАЙСО, САМ ПОЗВОНИЛ ГЕНЕРАЛУ, КОТОРЫЙ ОТВЕТИЛ, ЧТО ВСЕ НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ БУДУТ ПРИНЯТЫ. В ДЕВЯТЬ ЧАСОВ УТРА ТАНКИ КАРАБИНЕРОВ, УСТАНОВЛЕННЫЕ ДЛЯ ОХРАНЫ ПЕРЕД ПРЕЗИДЕНТСКИМ ДВОРЦОМ, ПОКИНУЛИ ПЛОЩАДЬ. ГЕНЕРАЛ МЕНДОСА СВЕРГ ГЕНЕРАЛА СЕПУЛЬВЕДУ И ВОЗГЛАВИЛ КОРПУС КАРАБИНЕРОВ. КОГДА АЛЬЕНДЕ ПОНЯЛ, ЧТО ВСЕ ПОТЕРЯНО, ОН

РЕШИЛ ОСТАВИТЬ ПРИ СЕБЕ ЛИШЬ ДОБРОВОЛЬЦЕВ. ОН ОТПУСТИЛ СВОИХ ВОЕННЫХ АДЪЮТАНТОВ, ЗАТЕМ КАРАБИНЕРОВ, ЗАТЕМ ЧЛЕНОВ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ОХРАНЫ, ПРЕДОСТАВИВ ИМ СВОБОДУ ВЫБОРА. ДРУГИМ, СОЧТЯ, ЧТО ОНИ БУДУТ ПОЛЕЗНЕЕ В ДРУГОМ МЕСТЕ, ОН ПРИКАЗАЛ ПОКИНУТЬ ДВОРЕЦ. ОН ЗНАЛ, ЧТО НАЧИНАЛСЯ ПОСЛЕДНИЙ БОЙ, И НЕ ХОТЕЛ НЕНУЖНЫХ ЖЕРТВ. ОН ПОГИБ СРАЖАЯСЬ...»

Самолеты мятежников с ревом пролетают над президентским дворцом.

Сбрасывают бомбы.

Бомбят это удивительное сооружение архитектуры, где с такой небывалой художественной выразительностью сочетаются черты испанского и итальянского зодчества.

Бомбят законного президента и верных ему людей.

Танки все ближе и ближе подходят к дворцу.

Вкалачивают в него снаряды.

Но взять его штурмом не так-то просто. Люди, засевшие во дворце, яростно отстреливаются. Горстка смельчаков, вооруженных легким оружием, — они повредили даже один танк!

Над дворцом парит вертолет. Выискивает огневые точки...

— В ЭТИ МИНУТЫ, КОГДА САМОЛЕТЫ МЯТЕЖНИКОВ БРОСАЛИ НА АЛЬЕНДЕ БОМБЫ И РАКЕТЫ, А ТАНКИ КРУШИЛИ СТЕНЫ ДВОРЦА, ПРЕЗИДЕНТ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ ОТБИВАЛ АТАКИ МЯТЕЖНИКОВ... ПОМНИТЕ, ОН СКАЗАЛ: «ИЗ ЭТОГО ДВОРЦА Я ЖИВЫМ НЕ УЙДУ...»

Взрыв. Пожары. Выбитая снарядом парадная дверь.

— НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ ГЕНЕРАЛОВ СДАТЬСЯ — ОНИ ОБЕЩАЛИ СОХРАНИТЬ ЕМУ ЖИЗНЬ — АЛЬЕНДЕ ОТВЕ-

ТИЛ: «ПРЕДАТЕЛЯМ НЕ ДАНО ПОНЯТЬ, ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК ЧЕСТИ...»

Флаг республики над президентским дворцом в струйках дыма. Ла Монеда пылает...

...Резиденция президента — дом, в котором он жил со своей семьей. Он снят уже после того, как его разрушили бандиты Пиночета. Разоренная гостиная, разбитая мебель. И телефонный аппарат, с которого свисает трубка, — видно, тоже исковерканная ударом сапога.

Телефон.

Трубка.

— МЯТЕЖНИКИ ПОДВЕРГЛИ ВАРВАРСКОЙ БОМБАРДИРОВКЕ И РЕЗИДЕНЦИЮ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ. СПУСТЯ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ МЫ УЗНАЛИ О ЕГО ПОСЛЕДНЕМ РАЗГОВОРЕ ПО ТЕЛЕФОНУ С ЖЕНОЙ: «ОРТЕНСИЯ, — СКАЗАЛ ПРЕЗИДЕНТ, — ТОЛЬКО МЕРТВЫМ Я ОСТАВЛЮ ЛА МОНЕДА».

На стене — большая фотография супружеской четы Альенде. Мирная, милая, простая и человечная фотокарточка...

— Я УМРУ СРАЖАЯСЬ...

И вот этот страшный кадр:

Мятежники выносят из дворца безжизненное тело президента Республики Чили.

— УБИЙЦЫ ЗАВЕРНУЛИ ЕГО ТЕЛО В ШЕРСТЯНОЕ ПОНЧО, ПОДАРЕННОЕ САЛЬВАДОРУ АЛЬЕНДЕ СТАРЫМ КРЕСТЬЯНИНОМ-СКОТОВОДОМ...

Разрушенный дворец. Руины. Дым. Солдатня. Отдаленные выстрелы. Все кончено...

— В ЭТОМ СТАРИННОМ ИСПАНСКОМ ДВОРЦЕ, В ЕГО МРАМОРНОМ ДВОРИКЕ, КАЖЕТСЯ, СОВСЕМ НЕДАВНО МЫ БРАЛИ ИНТЕРВЬЮ У ПРЕЗИДЕНТА АЛЬЕНДЕ.

С экрана на нас смотрит, с нами говорит президент Республики Чили.

— ОН ГОВОРИЛ О СТРЕМЛЕНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОКОНЧИТЬ С СОЦИАЛЬНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬЮ,

ЕЩЕ НЕ ИЗЖИТОЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ, ПОКОНЧИТЬ С НИЩЕТОЙ, ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТЬЮ, ТРУЩОБАМИ, ГОЛОДОМ... НЕ ЗА ЭТО ЛИ ОН ПОПЛАТИЛСЯ ЖИЗНЬЮ?!..

Фрагмент из интервью президента Альенде. Он говорит на испанском языке:

— И ВАМ, СЛУШАЮЩИМ МЕНЯ СОВЕТСКИМ ДРУЗЬЯМ, Я ХОЧУ СКАЗАТЬ, ЧТО НА НАШЕМ КОНТИНЕНТЕ ИМЕЕТСЯ ШЕСТНАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ АБСОЛЮТНО БЕЗРАБОТНЫХ ТРУЖЕНИКОВ И НАВЕРНЯКА ПЯТНАДЦАТЬ ИЛИ ВОСЕМНАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ ПОЛУБЕЗРАБОТНЫХ, ТО ЕСТЬ ЛЮДЕЙ, ИМЕЮЩИХ СЛУЧАЙНЫИ ЗАРАБОТОК. У НАС В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ НЕ ХВАТАЕТ ДЕВЯТНАДЦАТИ МИЛЛИОНОВ ЖИЛИЩ, НАСЧИТЫВАЕТСЯ СТО СОРОК МИЛЛИОНОВ НЕГРАМОТНЫХ И ПОЛУГРАМОТНЫХ... ШЕСТЬДЕСЯТ ДВА ПРОЦЕНТА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН КОНТИНЕНТА ПИТАЮТСЯ НИЖЕ НОР-

МАЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ НОРМЫ. НЕСМОТРЯ НА БОЛЬШИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ БОГАТСТВА НАШИХ ЗЕМЕЛЬ, МЫ ВСЕ ЕЩЕ ЖИВЕМ В БЕДНОТЕ, В МАТЕРИАЛЬНОМ И ДУХОВНОМ ГОЛОДЕ...

...МЫ, ЧИЛИЙЦЫ, ИМЕЕМ НАРОДНОЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ, ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ, РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, КОТОРОЕ ВЕРНУЛО СТРАНЕ ЕЕ ГЛАВНЫЕ ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ, ЧТОБЫ УДОВЛЕТВОРИТЬ НУЖДЫ НАРОДА. НАШЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НАЦИОНАЛИЗИРОВАЛО БАНКИ, ПРОВЕЛО АГРАРНУЮ РЕФОРМУ, А ГЛАВНОЕ, ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ СТРАНЫ ПРИВЛЕКЛО КРЕСТЬЯН, РАБОЧИХ. СТУДЕНТОВ. ДОМОХОЗЯЕК, ТО ЕСТЬ ЛЮДЕЙ, ЖИВУЩИХ СВОИМ ТРУДОМ, И МЕЛКИХ ТОРГОВЦЕВ К ВЕЛИКОМУ ПРОЦЕССУ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОДИНЫ. И ПОТОМУ Я ЕЩЕ РАЗ ПОДЧЕРКИВАЮ СВОЮ НЕУГАСИМУЮ ВЕРУ В НАШЕ БУДУЩЕЕ!..

И он закончил словами:

— БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ СОЦИАЛИЗМУ!..

Камни и стены полуразрушенного президентского дворца. Но и в этом виде он сохраняет гордое величие. Как воин, павший в честном бою с коварным и жестоким врагом.

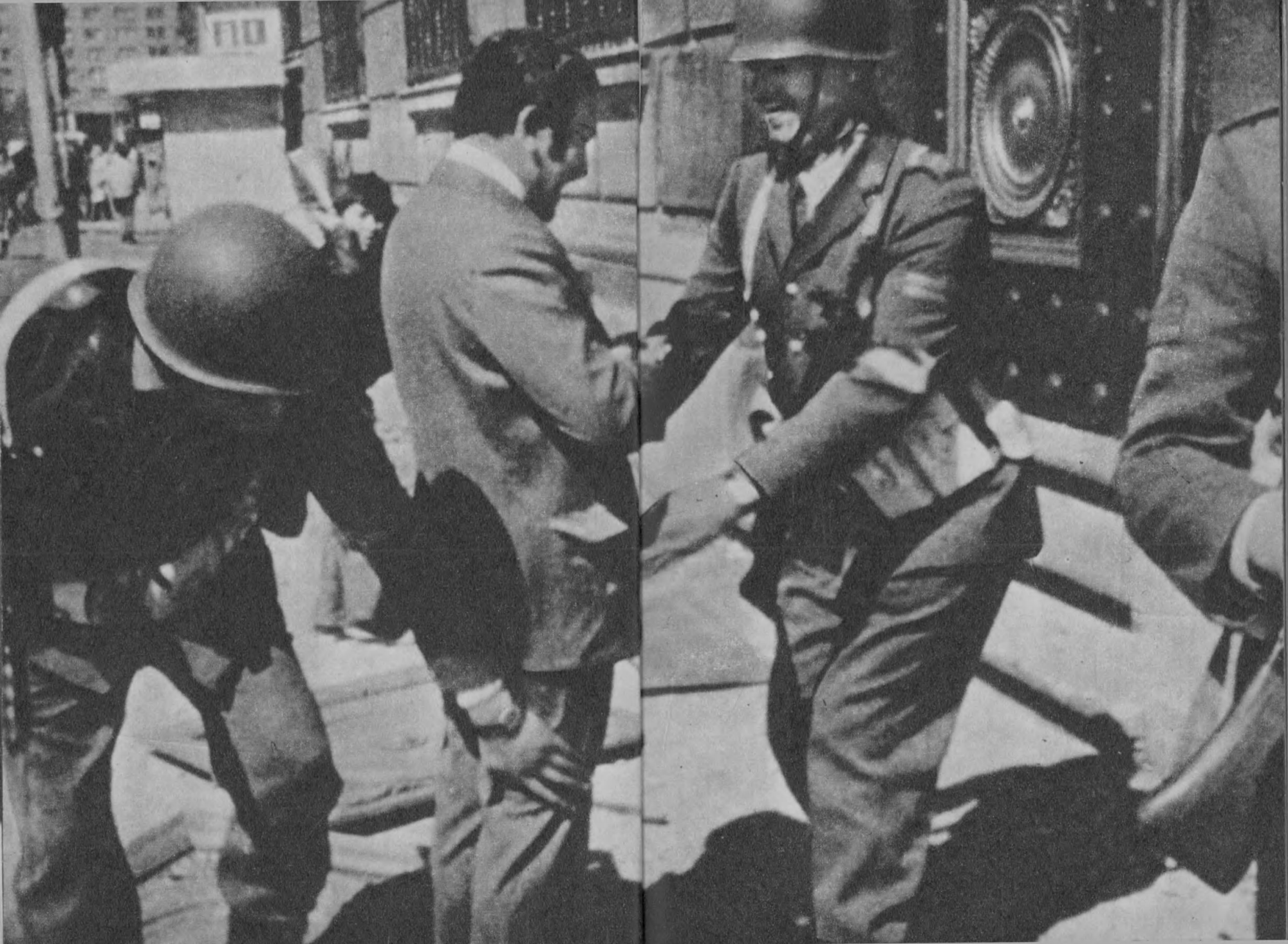
И живой Альенде — в кадрах советских кинодокументалистов. Он проходит сквозь толпы людей. И они приветствуют его, протягивают ему своих детей, пожимают руки...

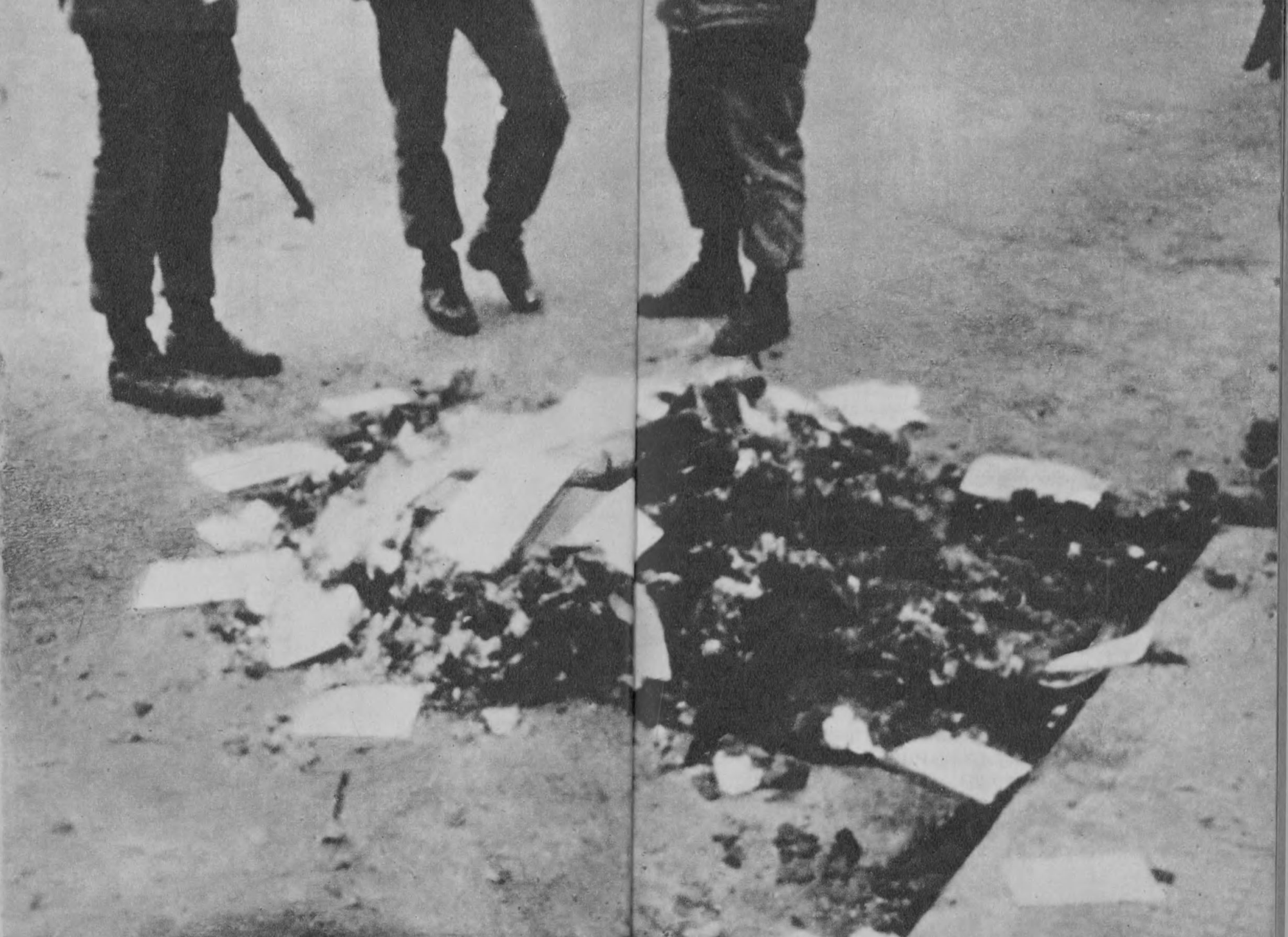
— Я ПОМНЮ, КАК ОН ГОВОРИЛ МНЕ: «НАСТОЯЩУЮ РАДОСТЬ Я ИСПЫТАЛ В ОБЩЕНИИ С НАРОДОМ... КОГДА КО МНЕ ПРИКАСАЛИСЬ РАБОЧИЕ РУКИ... КОГДА МНЕ ГОВОРИЛИ: «БЕРЕГИ СЕБЯ, БЕРЕГИ, ТЫ НАМ НУЖЕН...»

Солдаты мятежной хунты патрулируют президентский дворец.

— ЕЩЕ ДЫМИЛИСЬ РУИНЫ ЛА МОНЕДА, А В СТОЛИЦЕ ЧИЛИ И ПО ВСЕЙ СТРАНЕ ФАШИСТСКОЕ ЗВЕРЬЕ НАЧАЛО ОХОТУ НА ЛЮДЕЙ.

И вот кадры.





Обыски и избиения на улицах.

Тяжелые шаги карателей.

Арестованные с поднятыми вверх руками.

Избитые, изувеченные люди.

Трупы на улицах... Трупы... Трупы... Выстрелы... Стрельба, — она где-то рядом. Ожесточенные схватки между сторонниками правительства Народного единства и фашистами еще продолжаются, хотя силы далеко не равны. Используя закон «О хранении оружия», реакция, засевшая в парламенте, сумела обезоружить народ, разоружить рабочих.

...Ведут арестованных деятелей коалиции Народного единства, министров, политических лидеров левых сил.

— ЖЕРТВАМИ КРОВАВОГО ТЕРРОРА СТАЛИ ПРОГРЕССИВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ СТРАНЫ, РУКОВОДИТЕЛИ ПАРТИИ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА, МИНИСТРЫ, РАБОЧИЕ, СТУДЕНТЫ, ЖЕНЩИНЫ, СТАРИКИ, ДЕТИ... В ТЕ ДНИ ДАЖЕ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» ПИСАЛА, ЧТО ХУНТА ПОБИЛА ВСЕ РЕКОРДЫ... «... ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ, ПОДОЗРЕВАЕМЫХ В ЛЕВЫХ ВЗГЛЯДАХ, БРОШЕНЫ В ТЮРЬМЫ, ЗВЕРСТВА ПУТЧИСТОВ УЖАСНУЛИ ДАЖЕ МНОГИХ ПРОТИВНИКОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА АЛЬЕНДЕ...»

Убитые... Изрешеченные пулями тела. Это свидетельство кино- и фотодокументов, кино- и телехроникеров из той же политической сферы, что и «Нью-Йорк таймс»... Не потому ли им был открыт доступ к съемкам, да к таким, куда прогрессивным журналистам и близко нельзя было подойти.

Солдатня разводит костры и бросает в огонь книги. Как в годы «коричневой чумы»». Жгут книги Ленина, Кастро...

— ГЕНЕРАЛЫ ЗАЛИЛИ КРОВЬЮ ЧИЛИЙСКУЮ ЗЕМЛЮ... А В ЭТИ СТРАШНЫЕ ДНИ В САНТЬЯГО В ОДНОЙ ИЗ БОЛЬНИЦ УМИРАЛ ВЕЛИЧАЙШИЙ ПОЭТ СОВРЕМЕННОСТИ — ПАБЛО НЕРУДА, АНТИФАШИСТ, КОММУНИСТ, БОРЕЦ... «КОММУНИСТОМ Я НАЧАЛ СТАНОВИТЬСЯ В ИСПАНИИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ», — ПИСАЛ НЕРУДА. «НАС ВСЕХ ПРИВЛЕКЛО ТО ГРАНДИОЗ-

НОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ФАШИЗМУ, КАКИМ БЫЛА ИСПАНСКАЯ ВОЙНА...». «МОИ ОТНОШЕНИЯ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ, — ГОВОРИЛ НЕРУДА, — ЭТО НЕ ПРОСТО ЛИНИЯ ПОВЕДЕНИЯ, ЭТО ПРОЦЕСС МЫСЛИ, КОТОРЫЙ МЕНЯ ВЕДЕТ, СЛЕД РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЗНАНИЯ ЭПОХИ. СССР — ПЕРВАЯ СТРАНА, СОВЕРШИВШАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ. СССР ЗАЛОЖИЛ ОСНОВАНИЕ ВЕЛИКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ. И Я ОСТАЮСЬ ВЕРЕН ЭТОЙ СТРАНЕ, СОВЕРШИВШЕЙ ВЕЛИЧАЙШУЮ В ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИЮ...».

На улицах, на площадях Сантьяго пылают громадные костры из книг...

Солдаты ведут и ведут арестованных. Руки за спиной... Дула автоматов уперлись им прямо в спины... Чего они боятся?..

— ПЕРЕД САМОЙ СМЕРТЬЮ В СВОИХ ПОСЛЕДНИХ СТИХАХ НЕРУДА ПИСАЛ:

«В одной упряжке Фрей и Пиночет
Ликуют, славят пепельный сентябрь...
Каратели истории чилийской...
Опять пожар, опять потоки крови,
Вновь ожили громилы преисподней,
Сатрапы, проданные с торга,
И торгаши, которых подстрекает
Нью-йоркское волчье...»

На этих словах проходят кадры стадиона, превращенного в чудовищный концлагерь. Сюда загоняют сотни и сотни ни в чем не повинных людей. Издеваются над теми, кого подозревают в причастности к левым, а это и студенты, и рабочие, и политические деятели прогрессивных взглядов, — это мужчины и подростки, женщины и девушки, чилийцы и иностранцы.

...И вот генерал Пиночет и члены его «правительства» проводят свою первую пресс-конференцию.

— ...ГЛАВАРЬ ВОЕННОЙ ХУНТЫ ПИНОЧЕТ ЗАЯВИЛ, ЧТО ОН ГОТОВ ОБЪЯВИТЬ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ ВСЕМУ НАРОДУ... ТАК И СКАЗАЛ: «...ВОЙНУ ВСЕМУ НАРОДУ...»

Генерал Бонилья отвечает корреспондентам напыщенно, позируя перед фотокамерами.

— ...НОВЫЙ МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ГЕНЕРАЛ БОНИЛЬЯ УГРОЖАЕТ: «...НЕ ОСТАВИМ КАМНЯ НА КАМНЕ, ПОКА НЕ ПРЕКРАТИТСЯ СОПРОТИВЛЕНИЕ!..»

Газеты с портретами Пиночета и членов его «правительства». Аршинные заголовки. Кричащие аншлаги. Лица мятежных генералов в тени, но ретушь не скрывает жестокость и наглость, животный страх, затаенный где-то в глубине холодных, полуопущенных глаз.

— ...А ВСЕГО ЛИШЬ НЕДЕЛЮ НАЗАД ПИНОЧЕТ ПРИСЯГАЛ АЛЬЕНДЕ, КЛЯЛСЯ В ВЕРНОСТИ НАРОДУ И ПРЕЗИДЕНТУ ТЕПЕРЬ МЫ КОЕ-ЧТО УЗНАЛИ О «КВАЛИФИКАЦИИ» ЭТОГО ПРЕДАТЕЛЯ И ПАЛАЧА. ОН ПРОШЕЛ ПОД-

ГОТОВКУ В АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННО-ДИВЕРСИОННОЙ ШКОЛЕ В ЗОНЕ ПАНАМСКОГО КАНАЛА. ВО ВРЕМЕНА ФРЕЯ ПИНОЧЕТ БЫЛ ВОЕННЫМ АТТАШЕ В ВАШИНГТОНЕ, ГДЕ ТОЖЕ МНОГОМУ НАУЧИЛСЯ... КАЖЕТСЯ, ВСЕ ЯСНО?..

Заголовок на газетном листе «Меркурио». Газета крайне правых, провоцировавшая антинародную деятельность. Сальвадор Альенде дал ей убийственную характеристику. «...Этот орган от первой до последней строчки лжет, клевещет, поносит, искажает факты, и мы вынуждены пока его терпеть...».

— ВОТ «МЕРКУРИО» — ЕДИНСТВЕННАЯ ГАЗЕТА, РАЗРЕШЕННАЯ ХУНТОЙ В ПЕРВЫЕ ДНИ ПОСЛЕ МЯТЕЖА...

И вот мятежные солдаты, разглядывающие помещенные в «Меркурио» портреты каких-то людей.

— ЭТО ПОРТРЕТЫ ПРОГРЕССИВНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, СТОРОННИКОВ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА... ОНИ РАЗЫСКИВАЮТСЯ ХУНТОЙ... ОНИ ОБРЕЧЕНЫ НА ПЫТКИ, НА МУЧИТЕЛЬНУЮ СМЕРТЬ...

Фотографии. Руководитель чилийских социалистов Альтамирано... Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили — Луис Корвалан... И броский аншлаг на первой странице газеты: «Соединенные Штаты признали военную хунту...»

— ...А ВОТ ЕЩЕ ОДНО СООБЩЕНИЕ ИЗ ВАШИНГТОНА: ЗАЕМ. ХУНТЕ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ «МАТЕРИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ»...

Хунту освящает церковь. Члены хунты, снятые во время богослужения в одной из церквей.

Торжественные звуки органа. Месса... Святые отцы возносят молитвы за процветание хунты.

Но тут же солдаты с автоматами в руках.

И — лидеры «оппозиции» в Конгрессе. Наши старые знакомые...

— ...ВИДИТЕ, В ПЕРВОМ РЯДУ — ХРИСТИАНСКИЙ ДЕМОКРАТ ГОСПОДИН ФРЕЙ... А ВОТ И СЕНЬОР АЛЕС-

САНДРИ, И СЕНЬОР ВИДЕЛА, — ВСЕ ОНИ, БЫВШИЕ ПРЕЗИДЕНТЫ СТРАНЫ, — ТАЙНО И ЯВНО ВДОХНОВЛЯЛИ ТЕХ, КТО СЕЙЧАС ТВОРИТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ГЛАВНОМ СТАДИОНЕ САНТЬЯГО, ПО ВСЕЙ СТРАНЕ...

И еще один кричащий заголовок. Первая внешнеполитическая акция хунты — разрыв дипломатических отношений с социалистической Кубой.

Фидель Кастро.

Встречаемый восторженными возгласами людей, собравшихся на аэродроме Сантьяго, он спускается по трапу самолета. Это было так недавно...

— ЧИЛИЙСКАЯ РЕАКЦИЯ НЕ МОЖЕТ ПРОСТИТЬ СВОЕМУ НАРОДУ БРАТСКОЙ ЛЮБВИ К РЕВОЛЮЦИОННОЙ КУБЕ.

Сальвадор Альенде горячо обнимает Фиделя Кастро.

На всем пути следования машину президента и Фиделя сопровождают рукоплескания, приветствия, здравицы жителей столицы. Кастро возлагает венок к памятнику Эрнесто Че Гевары. Памятник установлен в рабочей коммуне Сан-Мигель на средства жителей столицы...

— ...ТЕПЕРЬ ЭТОТ МОНУМЕНТ ПО ПРИКАЗУ ПРЕДАТЕЛЯ ПИНОЧЕТА ОТПРАВЛЕН НА ПЕРЕПЛАВКУ...

Революционные лозунги Народного единства — на стенах многих домов Сантьяго. Их смывают, соскабливают солдаты хунты. На какой-то момент на экране возникают кадры членов агитбригады Рамоны Парры. Ей было всего семнадцать — Рамоне — члену организации Коммунистической молодежи Чили, когда ее убили на Пласа де Армас. Убили те же, кто сегодня присягает мятежным генералам. Неруда посвятил стихи отважной комсомолке. А эти ребята дали ее имя своей бригаде. Молодые коммунисты, талантливые художники,— они рисовали на стенах революционные панно в стиле настенной живописи великого Сикейроса...

— ...ГДЕ ВЫ ТЕПЕРЬ, ДРУЗЬЯ МОИ, РЕБЯТА, БЕЗЗАВЕТНЫЕ СОЛДАТЫ РЕВОЛЮЦИИ, ОРУЖИЕМ КОТОРЫХ БЫЛИ КИСТЬ И ВЕДРО КРАСКИ?!.. ОНИ НЕ ЗНАЛИ НИ

ПОКОЯ, НИ ОТДЫХА... ЖИЛИ НА КАЗАРМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, УРЫВАЯ КУСОЧЕК СНА. СЕЙЧАС ИХ ЛОЗУНГИ СМЫВАЮТ СО СТЕН. НО КАК ИХ ВЫСКРЕСТИ ИЗ ЛЮДСКИХ СЕРДЕЦ?!.. У ЭТИХ ЖЕ СТЕН ФАШИСТЫ РАССТРЕЛИВАЮТ ЮНЫХ РЕБЯТ, КОТОРЫЕ ПОДСТАВИЛИ РЕВОЛЮЦИИ СВОИ ПЛЕЧИ, ОТДАЛИ ЕЙ СВОИ ДУШИ, ВСЮ ЖИЗНЬ... А ТЕ, КТО ЖИВ, СРАЖАЮТСЯ, СТОЯТ НАСМЕРТЬ...

И сразу — песня. Горячая, страстная, зажигательная!..

Поет Виктор Хара. Его любят простые люди Чили, знают в каждой семье. Его песни звучали на площадях, на митингах, в рабочих поселках. Стоит взглянуть на лица слушателей, чтобы ощутить, как дорого народу слово правды. Дорого и тогда, когда оно звучит под перебор гитарных струн. И особенно когда поет Хара.

— НАРОДНЫЙ ПОЭТ ЧИЛИ, КОММУНИСТ, ТРИБУН, ПЕСЕННИК — ВИКТОР ХАРА ВОТ ТАК ВЫСТУПАЛ ПЕРЕД ЧИЛИЙСКИМИ ТРУЖЕНИКАМИ. МЫ СНИМАЛИ ЕГО ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПЛОЩАДИ НЕБОЛЬШОГО РАБОЧЕГО ПОСЕЛКА.

Слушает рабочий в каске...

Женщина с ребенком...

Девочка...

Пожилой инвалид...

Все слушающие подпевают.

— В РАЗГАР ТЕРРОРА И РЕПРЕССИЙ ХУНТЫ ЕГО СХВАТИЛИ И ПРИВЕЛИ НА СТАДИОН. НО ОН НЕ ОСТАВИЛ СВОЕЙ ГИТАРЫ, А ГЛАВНОЕ — НЕ ЗАБЫЛ, ЧТО И РАДИ ЧЕГО ОН ПЕЛ. И НА ЭТОМ ПРЕВРАЩЕННОМ В КОНЦЛАГЕРЬ СТАДИОНЕ ОН ЗАПЕЛ ЗАКЛЮЧЕННЫМ ПЕСНЮ СВОБОДЫ... СВОЮ ПОСЛЕДНЮЮ ПЕСНЮ...

Поет Виктор Хара... Поет с рабочими на своей многострадальной земле.

— ...ЕМУ СНАЧАЛА ОТРУБИЛИ КИСТИ РУК... ПОТОМ ПРОЛОМИЛИ ГОЛОВУ И ПОВЕСИЛИ ТЕЛО... ПОВЕСИЛИ С ЕГО ГИТАРОЙ... ТАК ВАРВАРСКИ, ЗВЕРСКИ ОНИ РАС-

ПРАВИЛИСЬ С ВИКТОРОМ ХАРОЙ. ХУНТА УБИЛА ПЕВЦА, НО ЕЙ НЕ УБИТЬ ПЕСНЮ...
Звучит песня. Поет Виктор Хара.

Типография газеты чилийских коммунистов — «Сигло».

Среди редакционных работников и рабочих-печатников — Луис Корвалан, видный деятель международного коммунистического и рабочего движения, сенатор, Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили.

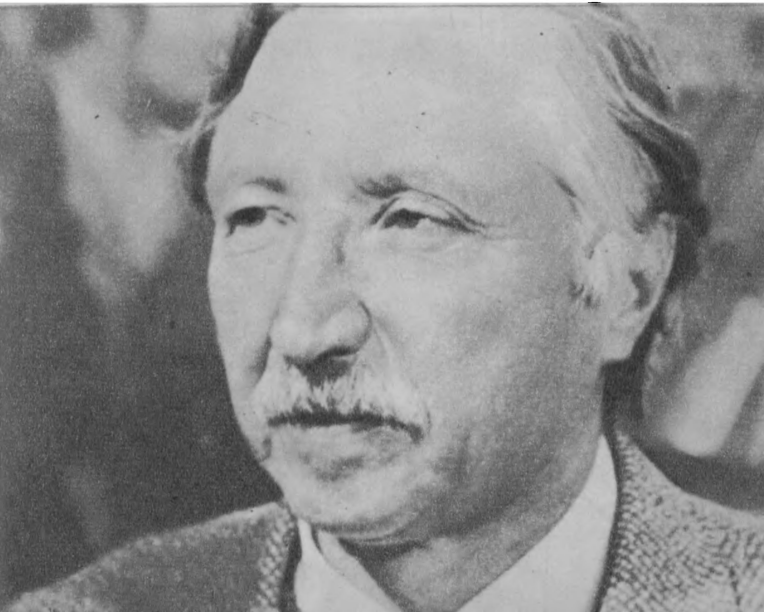
Военной хунте удалось схватить Корвалана, и сейчас мы видим его в кадрах, снятых нами в 1972 году.

— ЛУИС КОРВАЛАН... КАК СЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ОН ПОПАЛ В РУКИ ПУТЧИСТОВ?!.. ОН В ТЮРЬМЕ... ЕГО ЖИЗНЬ В ОПАСНОСТИ... НАРОДЫ ТРЕБУЮТ: СВОБОДУ ЛУИСУ

КОРВАЛАНУ!.. ТРЕБУЮТ КОММУНИСТЫ И СОЦИАЛИСТЫ, СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ И ДЕМОХРИСТИАНЕ... ЛИДЕРЫ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ, РУКОВОДИТЕЛИ ФРГ И ИТАЛИИ, ПРЕЗИДЕНТ ВЕНЕСУЭЛЫ КАЛЬДЕРА И ДАЖЕ АМЕРИКАНСКИЙ СЕНАТ. НА ДОЛЮ КОРВАЛАНА ВЫПАЛО НЕМАЛО ТРУДНОСТЕЙ, НО ОН ВСЕГДА ЛЮБИЛ ПОВТОРЯТЬ СЛОВА БЕРНАРДА О'ХИГГИНСА: «ЖИТЬ С ЧЕСТЬЮ ИЛИ УМЕРЕТЬ СО СЛАВОЙ!»... ЕГО ЖЕНА И ТРОЕ СТАРШИХ ДЕТЕЙ — ЧЛЕНЫ КОМПАРТИИ — ЧТО С НИМИ СТАЛО? НАРОД НАЗЫВАЛ СВОЕГО ЛЮЧЕ САМЫМ ЧЕЛОВЕЧНЫМ СЕНАТОРОМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЯТЕЛЕМ...

Корвалан, смеясь, о чем-то беседует с типографскими рабочими.

— ...Я ВСПОМИНАЮ ЕГО ТЕПЛУЮ УЛЫБКУ, ТИХИЙ ГОЛОС, ЗАРАЖАЮЩЕЕ ВСЕХ ВЕСЕЛЬЕ... КОГДА-ТО,



В ТРУДНЫЕ ГОДЫ БОРЬБЫ, ОН БЫЛ ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ «СИГЛО»... И ВОТ СНОВА НАСТАЛИ ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА...

Газета «Сигло», — последний легальный номер.

— ВОТ ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР «СИГЛО», — ОН ВЫШЕЛ В ДЕНЬ ПРЕДАТЕЛЬСКОГО МЯТЕЖА, 11 СЕНТЯБРЯ 1973 ГОДА.

Луис Корвалан среди рабочих.

— ДЛЯ МИЛЛИОНОВ ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЕВ, ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕГО МИРА ЭТОТ ЧЕЛОВЕК — ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ НЕПОКОЛЕБИМОЙ СТОЙКОСТИ, КРИСТАЛЬНОЙ ЧЕСТНОСТИ, НЕПРЕКЛОННОСТИ В БОРЬБЕ... ОН ПРОШЕЛ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТИЛЕТИЯ КЛАССОВЫХ БИТВ, ЧЕРЕЗ ТЮРЬМЫ, ЛАГЕРЯ, — И ОПЯТЬ ОН В ФАШИСТСКОМ ЗАСТЕНКЕ... С ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ, КОГДА ОН ВСТУПИЛ В ПАРТИЮ, ЕГО ПРЕСЛЕДУЮТ, АРЕСТОВЫВАЮТ, ПЫТА-

ЮТ... НО ЭТО ЕЩЕ БОЛЬШЕ ЗАКАЛЯЕТ ЕГО ДУШУ — БОРЦА... ПРИ ПЕРВОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ОН УХОДИТ В ПОДПОЛЬЕ...

Корвалан.

Товарищи по борьбе говорят о нем, как о мягком по натуре и скромном до робости человеке. Он добр и отзывчив, этот обаятельный, улыбчивый сын чилийского учителя и простой крестьянки из Пуэрто-Монт...

Мир требует: «Свободу Корвалану!»

Митинги... Народные, массовые собрания.

На Кубе...

В Японии...

В Англии...

В Париже...

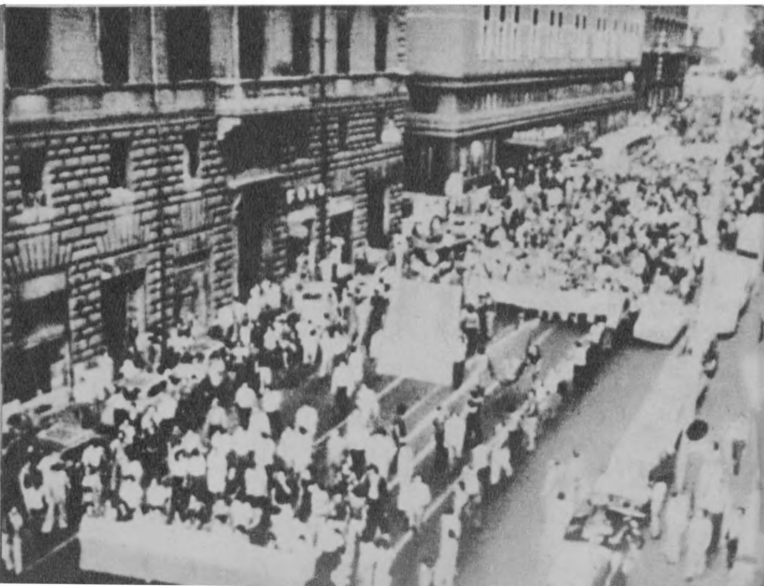
В Москве...

В защиту Корвалана выступают президент Финляндской Республики Урхо Кекконен, Федеральный канцлер Австрии Бруно Крайский, руководство Всеиндийского конгресса профсоюзов, Всемирная конфедерация труда, объединяющая тринадцать миллионов человек...

Митинги в СССР — на заводах, в учебных заведениях, на колхозных полях...

— ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В СВОЕМ ЗАЯВЛЕНИИ РЕШИТЕЛЬНО ОСУДИЛ ДЕЙСТВИЯ РЕАКЦИОННЫХ СИЛ В ЧИЛИ. ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ СКАЗАЛ: «В ЭТИ ДНИ СОВЕТСКИЕ КОММУНИСТЫ И ВЕСЬ СОВЕТСКИЙ НАРОД ВЫРАЖАЮТ С ОСОБОЙ СИЛОЙ ЧУВСТВА КЛАССОВОЙ СОЛИДАРНОСТИ С ТРУДЯЩИМИСЯ ЧИЛИ И ГЛУБОКОГО НЕГОДОВАНИЯ ПО ПОВОДУ КРОВАВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЧИЛИЙСКОЙ РЕАКЦИИ...»

Крупно, во весь экран — плакат: «Народ Чили победит!»



Весна... Она пришла на чилийскую землю под грохот бомб и крики истязаемых людей. И ветка цветущего дерева выглядит с экрана как знак скорби. Как цветок на могиле близкого человека. Но это еще и цветок надежды. И зов к борьбе... Зов весны...

— ...СЕЙЧАС В ЮЖНОМ ПОЛУШАРИИ ВЕСНА... ДЛЯ ЧИЛИЙСКОГО НАРОДА — ЭТО САМАЯ КРОВАВАЯ ВЕСНА ВО ВСЕЙ ЕГО ИСТОРИИ. НО ВЕСНА ВО ВСЕ ВРЕМЕНА БЫЛА И ОСТАЕТСЯ ВЕСНОЙ...

На ярко-синем, безоблачном небе силуэт заснеженных горных вершин. Пламенеют весенние цветы...

— ...ДА, ВЕСНА ВСЕГДА ОСТАЕТСЯ ВЕСНОЙ, — ОНА ПРОБУЖДАЕТ НАДЕЖДУ... И ТО, ЧТО ГРЕМЯТ ВЫСТРЕЛЫ НА ЧИЛИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ, ТО, ЧТО КАКИЕ-ТО ПОЖИЛЫЕ РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ, КАКИЕ-ТО МАЛЬЧИКИ ДЕРЖАТ В РУКАХ АВТОМАТЫ И САМОДЕЛЬНЫЕ БОМБЫ, А ИНОГДА И С ГОЛЫМИ РУКАМИ ИДУТ НА ТАНКИ И ПУЛЕМЕТЫ, — ЭТО, ОЧЕВИДНО, ТО САМОЕ ГЛАВНОЕ, ЧЕМ ОЗНАМЕНОВАНА ТРАГИЧЕСКАЯ ВЕСНА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕГО ГОДА...

Большая массовая демонстрация. Портреты. Транспаранты. Лозунги. Много молодежи, полной силы, огня, энтузиазма...

— ...НАРОДНОЕ ЕДИНСТВО ЖИВЕТ!.. БОРЕТСЯ!.. СПЛАЧИВАЕТ ПАТРИОТОВ!.. УЖЕ ХОДИТ ПО РУКАМ ОБРАЩЕНИЕ КОМПАРТИИ К ЧИЛИЙСКОМУ НАРОДУ. ЛОЗУНГ ДАННОГО МОМЕНТА — ЭТО САМОЕ ШИРОКОЕ НАРОДНОЕ ЕДИНСТВО. ЕДИНСТВО, ЧТОБЫ ЗАЩИТИТЬ ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ПОКОНЧИТЬ С РЕПРЕССИЯМИ И СМЕРТЬЮ. ЕДИНСТВО, ЧТОБЫ ОТСТОЯТЬ ЗАВОЕВАНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА. ЕДИНСТВО, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬ СВОБОДУ!..

—...УЖЕ ВЫШЕЛ ПЕРВЫЙ НОМЕР ПОДПОЛЬНОГО ИЗДАНИЯ «СИГЛО»... ГАЗЕТА ЧИЛИЙСКИХ КОММУНИСТОВ ЗОВЕТ НАРОД НА БОРЬБУ!.. БОРЬБА ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ...

ABAJO EL FASCISMO
¡VIVA EL PUEBLO CHILENO!

Поднимается флаг Чилийской республики.
На экране — Сальвадор Альенде.
Он говорит по-испански:
— ...БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ СОЦИАЛИЗМУ!..
И заканчивает по-русски:
— ДО СВИДА́НИЯ, ТОВАРИЩИ...

Р. Кармен

Вместо послесловия

Современные кино- и телефильмы, построенные на прямом жизненном материале, нередко называют «документами эпохи» и даже «документами души», отдавая тем самым дань психологической документалистике. Но ничто, наверно, не стареет так быстро, как актуальная хроника или публицистический очерк. А в наши дни, когда события наслаиваются с невиданным динамизмом, долговечность документа проверяется не только непреходящей значимостью его событийной основы, но и тем, какой эмоционально-художественный заряд он несет, какой содержит в себе авторский вывод, даже прогноз на будущее.

Тема Чили и чилийской трагедии — это не вопрос одного дня или какого-то более или менее ограниченного времени. Это вопрос революционной перестройки жизни, неизбежной для нашей эпохи, для всех развивающихся стран и для стран Латинской Америки. В этой связи визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на Кубу — в первую социалистическую страну Латиноамериканского континента, которая строит социализм, — имеет поистине историческое значение. Он вдохнул новую надежду, придал новые силы борцам за свободу и независимость, вступившим в смертельную схватку с реакцией и фашизмом. Он воодушевлял чилийских патриотов и вызвал новый мощный прилив борьбы на всех континентах нашей планеты за освобождение Луиса Корвалана, всех коммунистов и патриотов Чили, томящихся в застенках генерала Пиночета. Мы знаем, что в Чили зреет, крепнет, ширится движение Сопротивления. Что многие люди, вчера еще сыгравшие на руку мятежникам, примыкавшие к правым партиям и левым экстремистским группам, под воздействием развязанного хунтой кровавого террора поняли, как трагически они заблуждались, и теперь они вступили в бой под знаменами Народного единства.

И потому я думаю, что тот, кто прочтет сценарий или увидит фильм «Чили — время борьбы, время тревог», получит не только определенную информацию о политической ситуации в Чили в канун фашистского переворота и о том, какие силы стояли за спиной мятежников. Мне хотелось бы, чтобы читатель и зритель сердцем ощутили дух народа, взрастившего первые побеги свободной жизни. Чтобы все узнали и полюбили таких несгибаемых героев и патриотов, как Луис Корвалан, Сальвадор Альенде, Виктор Хара...

Почти все свои фильмы я снимал по собственным сценариям. И мне везло как никому другому. Почти каждый раз жизнь сталкивала меня с замечательными личностями, будь то рядовые бойцы или герои легендарной судьбы — такие, как Долорес Ибаррури, Хо Ши Мин, Фидель Кастро... Теперь с ними рядом Сальвадор Альенде — рыцарь без страха и упрека, человек, не допустивший даже мысли о том, что он может оставить свой пост, эмигрировать, хоть в чем-то уступить заговорщикам, нарушившим конституцию страны. Он выбрал смерть, прекрасно сознавая, каким грозным эхом отзовется его гибель в душе чилийского народа. Он выбрал смерть, считая ее в тот горький час самым сильным призывом к борьбе и революционному действию. Я встречался с Альенде несколько раз и никогда не забуду эти встречи. Я старался уделить ему в фильме как можно больше места, понимая, что трагическая судьба этого человека станет знаменем свободы не только в его родной стране, но и на всем Южноамериканском континенте.

А начинал я работу в Латинской Америке в те минуты, когда вступил на землю первой свободной территории Америки, когда на Кубе открыл счет кадрам «Пылающего острова». Потом, спустя много лет, я включил камеру в Сантьяго и начал съемки «Пылающего континента», где кроме Чили мне удалось показать Перу, Венесуэлу, Панаму... Но мог ли думать, что вернусь к Чили после того, как Альенде уже не будет в живых!.. Первый раз мы встретились осенью 1971 года, когда наша киногруппа, завершив съемки, поки-

дала Чили. Накануне отъезда мы должны были взять киноинтервью у президента страны.

...Мы приготовили камеру во внутреннем дворике старинного дворца Ла Монеда, и через некоторое время к нам вышел Сальвадор Альенде — радушный, улыбающийся... Он тепло поздоровался со мной, пожал руки кинооператору Александру Кочеткову и звукооператору Виктору Котову, окинул взглядом нашу аппаратуру и сказал: «Давайте сначала позавтракаем, побеседуем, а потом уже приступим к съемкам, — не возражаете?..»

Сальвадор Альенде шутил, смеялся, за беседой его не покидало чувство юмора. Он подробно расспрашивал нас о том, что мы сумели снять в Чили, как к нам относились простые люди, что говорили... Мы рассказали ему о съемках на Огненной Земле, на медных рудниках, на заводах. Тепло, душевно нас встречали рабочие, писатели, артисты, крестьяне...

В беседе упоминалось много знакомых ему имен. С большим уважением отозвался президент о писателе Франсиско Колоане, его старом друге, соратнике по политической борьбе, общественной и партийной работе... Зашел разговор и о кино. Между прочим я заметил, что несколько огорчен пассивным отношением властей к развитию чилийской кинематографии, и в частности к документальной, — ведь документальное кино, сказал я, обладает большой силой пропагандистского воздействия на массы. Трудно переоценить помощь, которую документальный экран может оказать правительству Народного единства, разъясняя его политику и устремления, суть его социальных преобразований, разоблачая ложь и клевету правых, махинации реакционных сил, демагогию леваков. Я рассказал Альенде о роли документального кино в нашей стране в первые послеоктябрьские годы, о том, как страстно оно пропагандировало революционные идеи, воспевало героику Октября.

Сальвадор Альенде с заметной горечью сказал: «Я хорошо понимаю огромную политическую и агитационную силу

кинематографа. Но кинематографу нужны средства. Средства должно отпустить правительство, а ведь вы же знаете, что у меня в парламенте нет большинства. При всем моем желании мне не удалось бы провести через парламент закон о помощи кинематографистам. Это, увы, трагическая действительность, имеющая отношение не только к искусству. Множество прогрессивных, необходимых стране мероприятий как в каменную стену упирается в парламентскую оппозицию. И самые благие пожелания и планы правительства Народного единства пока не могут быть реализованы...»

Я задал Сальвадору Альенде вопрос: «Товарищ президент, можете ли вы припомнить и сказать — какое событие в вашей жизни было самым счастливым и какое — самым печальным?» Задавая этот традиционный вопрос, я по своему журналистскому навыку знал, что многие уходят от прямого ответа, кокетничают или отделываются шуткой. Однако президент склонил голову, на минуту задумался и ответил:

— Самым печальным для меня была смерть моей матери. Она была мне большим другом, я безгранично уважал ее, в трудные минуты жизни она была мне советчиком, товарищем. Это была большая потеря...

Если же говорить о счастливом дне моей жизни, конечно, я должен был бы назвать день, когда был избран президентом Республики Чили. Но это было бы не совсем точно, ибо, вступив на этот пост, я пережил не только чувство победы. Самые прекрасные мгновения своей жизни я испытал, встречаясь с народом. Близкое общение с простыми людьми — величайшая радость! Трудно передать, что переживал я, ощущая теплые прикосновения рабочих рук...

После этих слов за столом воцарилось молчание. Альенде некоторое время сидел склонив голову, сплетя кисти рук, потом, словно встряхнувшись, окинул нас веселым взглядом и спросил:

— Когда же мы увидим ваш фильм?

Я сказал, что как только «Пылающий континент» будет готов, мы пришлем экземпляр картины, озвученный на испанский язык.

— Пришлите обязательно, — сказал он и улыбнулся, — ведь я сейчас буду выступать перед вашей кинокамерой, вот в качестве гонорара за мое выступление и экземпляр фильма. Договорились?..

Настал день, когда мы, советские кинематографисты, привезли в Чили свою новую ленту. Правительство нашей страны приняло решение передать документальный фильм «Пылающий континент» на испанском языке в дар президенту Сальвадору Альенде, правительству Народного единства.

...Я прилетел в Сантьяго в майские дни 1973 года. Первая встреча с Альенде состоялась в его загородной резиденции. Наш посол в Чили А. В. Басов торжественно преподнес президенту копию фильма. Альенде принял нас, чувствуя легкое недомогание. На лице его была тень грустной озабоченности, однако он был, как всегда, подтянутый, оживленный, пытливый, радушный. Прощаясь с нами, он сказал:

— У меня здесь есть проекционная установка, я обязательно сегодня же просмотрю ваш фильм. А в понедельник давайте встретимся во дворце, и я выскажу вам свои впечатления о фильме.

На эту встречу Альенде пригласил двух чилийских кинематографистов — руководителя компании «Чили-фильм» и режиссера, недавно завершившего работу над большой цветной картиной о поездке президента на Кубу, в Мексику, Советский Союз.

Именно в той беседе, говоря о сложившейся в стране обстановке, Альенде сказал о правых:

— ...Они хотят добиться моего ухода, хотят низвергнуть правительство Народного единства, захватить власть.— И тогда он произнес вещие слова, которые я привел в сценарии и фильме и которые я никогда не забуду: — Но из этого дворца я живым не уйду, не покину поста, на который меня поставил народ.

В заключение я хочу сказать несколько слов о группе, работавшей над фильмом «Чили — время борьбы, время тревог».

...Мы работали с полной отдачей сил, фактически две недели не покидали монтажные комнаты, просмотровые залы, павильоны звукозаписи. Мы поставили своей целью завершить работу над картиной к 11 октября 1973 года, объявленному всемирным днем памяти великого демократа,

героя Латинской Америки — президента Чили Сальвадора Альенде, погибшего в бою с оружием в руках на своем посту.

Моими ближайшими помощниками были режиссер Дмитрий Барщевский, режиссер по монтажу Ольга Трофимова, операторы Александр Кочетков и Валерий Никонов, звукооператор Виктор Котов.

Равноправным членом нашей киногруппы стал и молодой выпускник режиссерского факультета ВГИК — чилиец Себастьян Аларкон.

Над фильмом трудились также директор картины Владимир Марон, ассистенты и помощники режиссера Юрий Кобрин, Игорь Максимчук, Татьяна Касаткина, Галина Попова, Тамара Кудрина.

И еще одно обстоятельство я хотел бы отметить.

Это первый мой фильм, который я сделал специально для телевидения. Первый сценарий, который написал с учетом специфики телевизионного экрана.

Для меня это многое значило.

Во-первых, потому, что телевидение — синоним оперативности. Той горячей, злободневной оперативности, которая у меня в крови со времен газетного фоторепортажа, — ведь как раз с него и начиналась моя дорога в кино.

А во-вторых, как может не воодушевить художника премьера его работы — будь то спектакль, художественный или документальный телефильм, который одновременно просматривают десятки миллионов людей! Это удивительное чувство непосредственного общения с многомиллионной аудиторией буквально потрясло меня. Как и то, что сразу же после премьеры фильма в мой адрес посыпались письма, а в течение многих дней в доме, не умолкая, звонил телефон.

Наша картина сразу же самолетом была отправлена на Кубу, а за ней — в другие страны мира. Она вышла и на экраны кинотеатров. Я посетил несколько сеансов и словно сливался с аудиторией, — волнуясь, как никогда, я видел, как переживали, как замолкали люди, когда только возникала надпись: «Чили — время борьбы, время тревог». Мно-

гие из них смотрели картину повторно, после того как увидели ее по телевидению.

Что же это такое, в каком же качестве я выступил — в качестве телевизионного или кинематографического режиссера? — спрашиваю я себя.

Наверно, и то и другое...

И, наверно, сегодня как раз в этом особенность и новое знаменательное качество в работе публициста экрана, если только он действительно публицист и знает, что такое экран!

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Автор сценария и режиссер — Р. Кармен. Режиссер-оператор — Д. Барщевский. Режиссер по монтажу — О. Трофимова. Звукооператор — В. Котов. Редактор — К. Славин.

Экспериментальное объединение киностудии «Мосфильм». По заказу Государственного комитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию. 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

Константин Славин. Чилийская глава 5
Роман Кармен. Чили — время борьбы, время тревог . .27
Глава первая. Власть народа. 27
Глава вторая. «Товарищ президент» 59
Глава третья. Весна, омытая кровью 82
Роман Кармен. Вместо послесловия 133
Фильмография 142

38 коп.